

Образ жизни

Сергей Максимов

ОБРАЗ
ЖИЗНИ

Издание книги
посвящается
400-летию
города Томска

Уважаемый читатель!

Любому автору доставляет радость второе издание его книги.

Первое разошлось и разбежалось с такой быстротой, что уже через год сам автор безрезультатно пытался купить свою книгу.

Стали обращаться грузы, которыми книги были подарены. А на мой вопрос: куда они ушли свои экземпляры (а мною и дарил по несколько книг), признались, что уже их грузы взяли почитать и зачитали. Даже те сборники, на которых была дарственная надпись.

Когда же из грузей и приятелей, у которых есть какие-то деньги, решили сброситься и повторить издание, пригрозив его к юбилею нашего города. Такой вот подарок от всех нас.

Так и появилась книга, которую вы держите в своих руках. Она отличается от первой тем, что в ней присутствуют стихи, еще не опубликованные. Это своеобразный анонс нового сборника «Брат бережок», который, я надеюсь, также будет скоро издан.

Ваш С. Максимов.

Стихи в конвертах
Тастропичная тетрадь
Узкая территория
Прямая речь

Ты пощади меня, зима.
Будь благосклонна, непогода.
Опять слезами пахнет тьма
и апельсины Новым годом.
Я - одинокий человек.
Я знаю, как никто не знает,
как в октябре в бору светает
и пахнет яблоками снег.

Наверно, сходят так с ума,
медведь безумья бродит тенью,
и мне пришедшая зима
равна весеннему цветению.
И тропы вдаль меня зовут
по первопутку мыслью щедрой,
и то ли расцветают кедры,
а может, яблони цветут.

Который день брожу один,
и милой взор не скоро встретит.
И солнца рыжий апельсин
румянец на щеках расцветит.
А мысли, точно лаек бег,
зовут в дома, где я не лишний.
Мне губы милой пахнут вишней,
и пахнет яблоками снег.

Волчья песнь

*«Идет охота на волков,
Идет охота»...*

В.Высоцкий

Псы надрывно не лают.
Вверх флажки приподняли.
В нас уже не стреляют,
но с прицела не сняли.
Нам свободу швырнули,
словно шавкам ковригу.
Нас сегодня вернули
даже в «Красную книгу».

Переменились мнения.
Ликует дурачье.
Идет восстановление,
но вот чего и чье?..

Все скоты вдруг прозрели,
раскатав к полу губы...
До того разжирели,
что нужны наши зубы.
Всем зубастым раздолье.
Так нужны перемены.
Из зверинцев на волю
вышли даже гиены.

Всем вольготнее стало.
Не грохочут двустволки.
Завизжали шакалы,
что они тоже волки.

На куски разрывают.
Их разбой не заметят.
Уж шакалы-то знают:
волки, волки ответят!..

* * *

Великий пост, а я опять грешу...
Профессией, своим безмозглым бытом...
Сбит с ног, с пути как чертовым копытом.
На то лишь уповаю, что пишу.

Но в песнях далеко ли до греха.
В стихах опять в затылок бесы дышат.
Надеюсь: все же ангелы услышат,
как стонет в боли каждая строка.

Пред Рождеством неделя - вечно ад:
концерты, новогодние гастроли.
Все поперек души и Божьей воли,
и беспросветно всюду виноват.

Сочельник. Что поделаешь, иду
по улице ожившим изваяньем
на службу в Храм. Иду без покаянья,
качаемый виною, как в бреду.

Но зиму солнца тронуло тепло.
Христос-младенец снова мир иначит.
За всех нас грешных в мир войдя, заплачет.
Христос родился! Рождество пришло!

Вальс и Мазурка*

Было Рождество,
играли в жмурки.
Этот грустный Вальс
играл с Мазуркой.
Их прикосновенья
клавиши с тех пор
хранят.

Хранят, хранят, хранят, хранят.

Этот странный Вальс
полуопальный
грустно завладел
паркетом бальным.
Слушала Мазурка,
и алмазы слез ее
терзали взгляд.

Взгляд, взгляд, взгляд, взгляд.

Спрашивали
кавалеров дамы:
- Неужели
он поэт тот самый?
- Горе от ума...
- Уж это точно горе...
- Ах, шарман!..
- Умен.

Умен, умен, умен, умен.

- Как мила Мазурка!
- Ах, как Вальс печален.
- Что ни говорите, странен.
- Очень странен.
- Ловелас, но, кажется,
влюблен.

Влюблен, влюблен, влюблен, влюблен.

Оглушила весть
Тифлис
и высь Кавказа.
Слезы капали,
лились алмазы.
А Мазурке
Полонезы и Экасессами
сносились в дар.

В дар, в дар, в дар, в дар.

Сам персидский шах
был потрясен и ранен
этой смертью Вальса
в Тегеране.
И алмазом
русскому царю
отослан щедрый
гонорар.

А дуэлянт гвоздил
за туркой турку
и насвистывал под нос
мазурку.
С пулями насвистывал
и вальс свой
вспомнил он,
вдруг вспомнил он.

И Всевышним
призванный к ответу,
бредил он:
- Карету мне,
карету!
Лишь Мазурки
он признал полон.
Полон, полон, полон, полон.

Было Рождество,
играли в жмурки.
Этот грустный Вальс
играл с Мазуркой.
Их прикосновенья
клавиши с тех пор
хранят.
Хранят, хранят, хранят, хранят.

* Песня написана на музыку вальса А. С. Грибоедова.

* * *

Артиста
разной масти
душат бестии:
от домовых
и выше по шкале.
Великий пост...
Он как укор профессии.
Я в декабре
как ведьма на метле.

* * *

О твердость быта быют надежд хрусталь,
иная дружба на знакомства крошится.
Мне только бы идти с тобою вдаль,
а остальное как-нибудь приложится.

Ошибок наших желтая листва
снегами зим грядущих запорошится.
Оставит нас когда-нибудь молва,
а остальное как-нибудь приложится.

Мы будем жить, не опуская глаз,
и это все когда-то подытожится,
но чтоб всегда нуждались люди в нас,
а остальное как-нибудь приложится!

Проходят дни неровной чередой,
на счастье наши годы перемножатся.
Мне только бы любимым быть тобой,
а остальное как-нибудь приложится.

1982

* * *

Мне воздух осенний - подобье вина.
Пьянею. И так же влюблен.
А в доме у нас улеглась тишина
до лучших времен.
До лучших времен.

Все плачут и плачут косые дожди,
печалью весь мир наводнен.
И мало счастливых минут впереди
до лучших времен.
До лучших времен.

И осенью нынче оплаканы мы.
все листья отдал ветру клен.
Заснуть и проспать бы под снегом зимы
до лучших времен.
До лучших времен.

Парфютерия и пес

Собаку не пускает
охранник в магазин,
а пес надсадно лает
потерянный. Один.

Ах, эти лореали
ему смешали след!
Собаку измотали.
И здесь хозяйки нет.

Когда б был с нюхом лайки,
когда б дворнягой был,
он запахи хозяйки
нашел бы, отличил.

Породистая псина
то в вой, то слезы льет,
стоит у магазина
и смотрит на народ.

Все спуталось-смешалось,
а тут и дождь пошел.
Поесть... Поесть бы малость,
а там бы и нашел.

Ну где она пропала?
Пропала и молчит.

И верный пес устало
вздыхает и грустит.

Чем пахнут тротуары?
То выхлопы, то дым...
Осенние бульвары
размечены не им.

Чуть поискать и бросить,
куснувшись сгоряча.
И пес уходит в осень,
щетинаясь и рыча.

Снегири

Друзьям

Был он - день.
Серый день,
но очнулся и вдруг
точно райскую дверь
отворил.
Да, снесло
ветром стаи
на ласковый юг,
но остались у нас
снегири.

Припев:

Снегири. Снегири.
На ветвях всполох
летней зари.
Всем морозам,
метелям
и вьюгам назло
нам тепло.
Нам тепло.

Страшным холодом
тело сжимала тоска,
и в душе холод был,
хоть умри.
В обесцвеченном небе
плывут облака,

но в душе у меня -
снегири.

Припев:

Голос свой отпускаю
в российскую ширь,
соразмерив
размах и полет.
Но ты знаешь,
Сибирь,
я же тоже снегирь -
перелет мне на ум
не идет.

Припев:

Согреваюсь огнем
полыхнувших рябин
и волнуюсь,
любуюсь до слез -
вижу райские яблоки
русских равнин
на ветвях

наших грустных берез.

Припев:

Снегири. Снегири.
На ветвях всполох
летней зари.
Всем морозам,
метелям
и выюгам назло
нам тепло.
Нам тепло.

Мета Паганини

Веселья сладкое вино
я выплеснул заранее,
когда впервые сделал шаг
в бессонниц многих топь.
Во mnogой мудрости - печаль.
Кто умножает знания, -
о как же прав Экклезиаст, -
тот умножает скорбь...

За Паганини к высоте
в мучительном стремлении
тянулся я и вновь тянусь
уже немало лет.
И только горестнее срыв,
и все больней падения.
Томленье духа - царь вновь прав -
все суета сует...

Я перстень царский поверну,
от многих бед растерянный,
и вновь поддержку нахожу
на много лет вперед.
«Проходит все», - в веселья час
я повторю уверенно.
А плохо станет - я прочту:
«И это прочь уйдет!»

* * *

По А.Григорьеву

Мне с отчаянья не годится
душу кабаком поганить.
Полечу я в табор птицей,
выручай меня, цыгане!

Нагадайте мне, наврите.
Потрошите мне карманы.
Только душу не берите -
не возьмется, хоть и пьяный.

Мне, признаться, нынче лихо.
Мне, признаться, нынче тяжко.
Пусть вздохнет гитара тихо,
пусть прошепчут мне:
- Бедняжка...

Пусть мне азки ваши, любки
заморочат песней горе.
Пусть тоску развеют юбки,
с пламенем костров заспоря.

Пусть мне пляска грусть развеет,
отметет дурные вести.
Пусть душа моя светлеет
с грустью вместе, с ночью вместе.

Ноктюрн

Я тебе ноктюрн сыграю.
Слов не находя,
просто звуки избираю
из-под струн дождя.
Мучает невыносимо
тема - точно мстит.
И звучит, что ты любима.
И «люблю» звучит.

И о том, что раньше было,
и про грусть сейчас
шепчет ангел шестикрылый
и поет свеча.
И выхватываю звуки -
лей мне, дождик, лей! -
о печали, о разлуке,
о любви моей.

На губах поет твой локон,
а дверной проем
нам поет, как одиноко
каждому в своем.
Дирижер, смахни проклятья
на литавров дрожь.
Пусть поют в ночи объятья!
Пусть играет дождь.

* * *

Блажен, кто верит в чудеса,
кто верит в собственное счастье,
кого пугают небеса
и не пугает безучастье,
кто верит тем, кому нельзя
не то что верить - просто слушать,
кто всех берет себе в друзья
и всех пускает в свою душу,
кто открывает свой карман
и, обманувшийся, мечтает,
кто про случившийся обман
так никогда и не узнает...

Мы с тобой помолчим в тишине,
я лицом в твои кудри уткнусь.
Ты до боли прижмешься ко мне,
когда я наконец-то вернусь.

И пусть свечи, как в сказке, горят -
я от встреч всех других откажусь.
Пусть знакомые люди простят,
когда я наконец-то вернусь.

Я, наверно, заплачу. Прости,
если я, как мальчишка, сорвусь.
Слишком много придется пройти,
пока я наконец-то вернусь.

И впервые за многие дни
налюбуюсь я и нагляжусь.
Наконец-то мы будем одни,
когда я наконец-то вернусь.

* * *

Еще чуть-чуть... Но малое «чуть-чуть»
на месяц улеглось без всяких правил.
На год его не трудно растянуть,
а там, глядишь, второй к нему прибавил.

Нельзя, наверно, время обмануть.
Не пробежишь его - не та дорога.
И мстит за нетерпение «чуть-чуть»,
вдруг обращаясь в злое «много-много».

Парус

Не штиль, не шторм
и мерзкая погода.
К экватору шагнули полюса.
И в цвет свинца окрашенные воды
грозят, и все снимают паруса.
Не знаю, что меня сегодня греет.
Наверно, то, что я не рос в тепле.
Мы дружно отвязали холст от реи,
и парус забелел в кромешной мгле.

Чтоб бриг не стал
расхристанным корытом,
заочно примороченным ко дну,
в былых штормах отточенным бушпритом
мы колем лед, взбираясь на волну.
И штиль не мил, и в бурях мало проку,
и опыт горше моря - снова пьем,
но верим наконец в судьбу и в Бога,
и в Божью волю в парусе своем.

* * *

В.Пасюку

Ты куда, куда, Обь, течешь, река?
Кому - мать, кому - мачеха.
Сколь воды утекло,
сколь людей унесло?

Обожгло волной крутоярною.
На звезду снесло на Полярную.
Сколь воды утекло,
сколь людей унесло?

Было общее - кожа с саржею,
катерами везли и баржами.
Сколь воды утекло,
сколь людей унесло?

Сколько сгинуло люда нашего
у Нарыма и у Колпашева.
Сколь воды утекло,
сколь людей унесло?

Ездовики

Собаки разные,
как люди:
есть дворняги,
есть, у которых
златом шиты поводки,
счастливыцы с домом
и бездомные бедняги
в широтах северных
живут ездовики.

Потерты жесткой лялкою бока,
и нарты за спиной ездовика,
остол хозяйский, вечно занесенный,
и полоумный в беге коренник -
вот твердый наст хрустит,
и, телом черный,
по белой тундре
мчится ездовик.

С такою челюстью
с бульдогами тягаться.
Сам, как бульдог к весне,
с боков почти что лыс.
Ах, кабы нарты
не тягать, а только драться!
С такой настырностью
и волка бы загрыз.

Но он устал -
святая простота -
обида терпит
даже от кота.
И наглый кот
обглаживает кости,
потом играет, паразит,
с хвостом.
Работа все взяла
от сил до злости.
Поспать бы да поесть,
черт с ним, с котом...

Но по весне
в конце полярной тени
маячит мутью зыбкой
краешек весны.
Рванет упряжка
за отбившимся оленем.
За все ответит он,
виновный без вины.

Так наболело -
вровень с ним бегут.
Так натерпелись,
что без лая рвут.
И нет предела
у напора злого,
да только через сутки
стыд зовет...
Приходят по утру
впрягаться снова.
Сам коренник, скуля,
в ремни ползет.

Собаки разные,
как люди:
есть дворняги,
есть, у которых
златом шиты позодки,
счастливы с домом
и бездомные бедняги
в широтах северных
живут ездовики.

* * *

Никак я от дилемм не убегу,
и нестерпимо мне бывает худо,
когда столкнутся «надо» с «не могу»,
когда грызутся «нужно» и «не буду».

Измучают, издегают меня.
Я с «надо» остаюсь, почти не каюсь,
но искренность, как истину, храня,
о «не могу» с разбега спотыкаюсь.

Опять в себе я заданность топчу,
мечты мне помогают зло и дружно.
- Не буду! - обезумев я кричу,
но что-то шепчет:
- Нужно, братец, нужно.

Бездарность это или же талант
так жить? О, где ты, детских лет бравада?
Осваиваю взрослый вариант
игры в слова «не буду», «нужно», «надо».

1993

* * *

Ах, как бы мне не понимать.
Нет, я не глупости желаю,
но наперед так много знаю,
что начинаю уставать.
Ах, как бы мне не понимать!

Ах, как бы мне суметь забыть
свой опыт, чувства стерегущий.
Зачем вступаю в пламень жгущий,
когда как прежде не любить?
Ах, как бы мне суметь забыть?

Ах, как бы мне не обмануть
в меня поверивших когда-то,
чтоб не настигла их расплата
за общий дом, за общий путь.
Ах, как бы мне не обмануть.

Ах, как бы мне не понимать!
Нет, я не глупости желаю,
но наперед так много знаю,
что начинаю уставать.
Ах, как бы мне не понимать!

Пока есть ты,
я не собьюсь с пути.
Пока есть ты,
есть силы и удача,
и я могу сокровища найти,
их на добро, не думая, растрочу.

Жизнь потечет
на зависть всем врагам,
восход с закатом
без беды сойдется.
И только белым светлым облакам
на небе место с той поры найдется.

А счастье
морем станет.
Как во сне,
поверишь в свой полет
над миром бранным.
И сердце будет слышно в тишине,
и свежесть чувства будет неизменной,
пока есть ты...

1982.

* * *

По-цыгански как-то
нынче мне играется.
И поется как-то так,
прямо плачется.
Жгу костер.
Надежда с ним
возгорается,
что, быть может,
жизнь моя
переиначится.

Ты гори, костер,
ты спали печаль.
Не дыми-ка, брат,
сыро-слезно прочь.
Ты горстями искр
сыпь на счастье вдаль.
Ты кусайся с тьмой,
чтоб душе помочь.

Я сушину
своих помыслов
несбывшихся
изрублю на щепки
мелкой неурядицы.
И на углях песен
счастьем заискрившимся
я дотла испепелю
свои сумятицы.

И гитара пусть
переложит вмиг
на мажорный лад
свистопляс огня.
Ночь, как рана, мне,
но костра язык
мне залижет боль
и спасет меня.

* * *

День без тебя прошел -
один из очень многих.
О сколько их ушло -
покинутых сирот?
Я непомерно зол
на буквы правил
строгих,
на то, что дел опять,
увы, невпроворот.

Осталось слезы лить.
Пожалуй, и заплачу.
Но только все равно
не выйдет ничего.
Мне не с кем разделить
печаль свою, удачу.
Мне хочется тепла
родного, твоего.

Не сплю.
Напрасно ночь
кружится с ворожбою
и ласково глядит
с тоскою из окна,
и не уходит прочь,
беседует со мною.
Похожие мы с ней:
она, как я, одна.

Мне с ней тоскливо пусть,
но мы зарю раздуем.
Уверенный рассвет
придет,
в незнании глуп.
Целует душу грусть
нежнейшим поцелуем,
как будто ты сама
моих коснулась губ.

Простуженно кричит
петух в селе.
Будильник
еще не зазвонил
по городам подъем.
Живое сладко спит,
и борется светильник
с идущим налегке
и сиротливым днем.

1983.

* * *

Я не приемлю
позы умных дураков,
долгомолчания
страдальческий венец.
Я признаюсь:
по-волчьи был среди волков,
но никогда еще
не блеял средь овец.

Высоцкий и Вампилов

*«А еще, когда у нас Таганка была,
Высоцкий, говорят, набрал водки, поехал на могилу
Вампилова и несколько часов там пил»...*

Из разговора в Иркутске.

При силах еще,
но уже с истощенными силами
сидит он и курит, и пьет.
Снова курит и пьет.
Высоцкий уже битый час
у могилы Вампилова,
но хмурый таксист не ворчит.
Счетчик выключил.
Ждет.

Хмелеет поэт.
Чтоб с ума не сойти, напивается.
Не так все... Не так все... Не так все...
Так в омут башкой!
Неужто Россия сама над собой
измывается,
посмертно лаская
предательски
нежной рукой!

А он поминал.
Он его поминал, шебутливого.
Стаканы «сушил»
и прикуривал от сигарет.

Он несколько раз повторился
с фамилией Зилова,
и то соглашался, то спорил,
заслыша ответ.

Смотреть не хочу!
Думать страшно!
Но мучит видение...
Мне ветер доносит сквозь годы,
я слышу, хоть вой,
венков проржавевших шуршанье,
родное хрипение,
и ангелы, вижу, стоят,
как усталый конвой.

Премьеры московские
залы подняли с овацией.
Страна-кредитор повторила
избитый прием,
свидетельства смерти печатая,
как облигации,
и лучших сгребая
под новый бессрочный заем.

Помилуй, Господь!
Пронеси чашу оную,
Господи!
Я слышу
и сам повторяю,
как мальчик, за ним.
От ГОСТов
мы освобождаемся
только погостами.
Никак не выходит пробиться
живыми к живым.

Из всех бед беда -
это путь.
Остальное все - семечки...
Бьют в спину, боясь повстречаться
в открытом бою,
враги наши,
наши всезнайки,
балбесы-посреднички.
Стыжусь, что посредником здесь,
у могилы, стою.

Идемте, ребята!
Как после свиданки откинемся...
Ушло это время, ушло...
Тут зови - не зови...
Высоцкого хмурый таксист
увезет до гостиницы
и скажет:
- Хоть ты-то, Володя,
подольше живи.

Казачи в Париже

А. Чудакову

Вижу как сейчас:
бег Сены чистой
и разъезд казачий
вдоль реки.
Очень быстро
создавали бистро
русской быстрой
шашкой казаки.

- Чарку и гурок!..
- Они не мають...
- Бутерброд и шнапс!
Семь бед - ответ...

Ну а дальше шашки вынимают
и стучат копытами вослед.

Отгремело славой время оно.
Нас в другой войне сдружил де Голль.
Что нам не разлить «Наполеона»,
если зла в шкале теперь на ноль...

Друг в бистро рубает мясо сочно -
пращуры за вялость не простят.
И трусы его однажды ночью
над парижской улицей летят.

У Москвы с Парижем вечно шашни.
Что до нас - люби и не забудь.
Под ногами Эйфелевой башни
я б хотел свернуться и уснуть.

Этой песни долгая премьера
затянулась выше всяких мер,
но спасло создание Люмьеров,
этих замечательных Люмьер.

Поезд, только новый, на экране
жмет в Россию к жажде перемен.
Обнялись навечно в подсознании
казаки, Пиаф и Джо Дассен.

«Англетер»

Записать бы приснившийся сон.
Снилась мать и в деревню звала.
Сам себе снился юношей он.
У околицы снился села.
Падал снег петроградской зимы.
За окном сизый, в крапинках, снег.
Показалось: вновь смотрит из тьмы
человек. Черный, злой человек.

«Англетер», «Англетер», «Англетер»!
Точно занавес тени портьер.
Зимней улицы скользкий партер.
«Англетер», «Англетер», «Англетер»!

И к чему снилось? Юный, босой
все прощался, в душе сея страх.
И в крестьянской рубашке простой
уходил, плача, полем в цветах.
И зачем нужно было их злить?
Всех чертей на Руси разозлил.
Записать бы, да страх выходить.
И чернил нет. Совсем нет чернил!

«Англетер», «Англетер», «Англетер»!
Строки - кровью - на русский манер...
Душу жутью разящий пленер...
«Англетер», «Англетер», «Англетер»!

Страшно! Может быть, встречу многих хлам?..
Может, мнительность пьяной души?..
Нет! Все время идут по пятам
и таятся в полночной тиши.
Что ж, быгь может, настигнут, но тот...
Тот, что снился, он сможет уйти.
По цветам в даль столетий уйдет.
«До свиданья, друг мой... Не грусти...».

«Англестер», «Англестер», «Англестер»!
Наказанье в ряду высших мер...
Эшафота скупой интерьер...
«Англестер», «Англестер», «Англестер»!..

«До свиданья, друг мой...» У двери
затоптались, чтоб взвиться в броске.
Ключ, что вставлен им был изнутри,
со щелчком провернулся в замке.
Черный, черный, не так уж темно...
Этот черный в поэта судьбе
неотрывно смотрел на окно,
в коем тени метались в борьбе.

«Англестер», «Англестер», «Англестер»!
Точно занавес тени портьер.
Зимней улицы скользкий партер.
«Англестер», «Англестер», «Англестер»!

Песня ямщика

Ветром шальным,
трактом ночным
тройка несет, что песня
вдаль зовет.
Что мне мороз,
если извоз
кормит меня и поит,
спать кладет?

Лес бросил тень.
Волк или пень?
Зря что ль
кистень ямщицкий
берегу?
Я ли не бил,
я ль не валил
вашего брата-волка
на скаку?

Кони хрипят,
реже звенят
звонкие колокольцы.
Тракт на склон.
Колокола
Русь не спасла.
Благо, что есть покуда
этот звон.

У пристяжных
сильных моих
кровью глаза налились -
в поле рвут.
Даже не бес
в упряжь залез -
сам сатана летает
где-то тут.

Воздух ночной
рви, коренной.
Что же-то не светает?
Где же-то петухи?
Не продыхнуть.
Темен наш путь.
Солнышко волчье светит
за грехи.

Эх, отпусти!
Эй, выноси!
Ночку прорвем, а холод
не возьмет.
Что мне мороз,
если извоз
кормит меня и поит,
спать кладет?

* * *

Спасаясь в снах,
и страшно просыпаться.
Зима, бездомность...
Сломана рука...
Где взять их, сил,
за белый свет цепляться?
И сам не бел он -
сир, как облака.

Одной рукою
кое-как стираю,
а в перекурах,
остужая пыл,
как грязное белье,
с себя снимаю
иллюзии, надежды,
все, с чем жил.

На кухне
засвистел надсадно
чайник.
Заткнись!
Нет денег -
ты еще поешь...
И в гипсе мокром
голое отчаянье
пошло пить чай
«за здорово
живешь».

Северянин

Я уходил на Диксон. Шел с утра.
Мне в спину - рыбнадзор и ветерок.
В ногах - муксун, четыре осетра -
короче, конфискация и срок.
И надо ж так: бензин взять не успел.
В туман подкрались, выждали момент.
Мне шурин - брат жены - все, помню,
пел:
- Ох, попадешься...
Как накаркал, мент...

Живем на берегах одной реки,
а жить никак не можем по-людски.

Им в три мотора - что не догонять!
Вот лодки замелькали в пелене.
Чуть сблизились - они давай стрелять
сначала в лодку, а потом по мне.
Я тоже дробь на жаканы сменил
и вертонулся лихо, как в кино.
Из двух стволов в моторы им влепил.
Они трухнули, кинулись на дно.

Живем на берегах одной реки,
а жить никак не можем по-людски.

Вторую лодку я не различал.
Чуть отошел - послушал: гонит гад.

Бензина нет. К тому же груз не мал.
А бросишь - все одно, ты виноват.
И главное, как ставят-то вопрос:
с сетями все гребут, а мне - смирись...
А если я родился здесь и рос?
На удочку лови и не чешись?

Живем на берегах одной реки,
а жить никак не можем по-людски.

Мне сыновья сказали:
- Будем ждать.
Недолго, пап, - добавили еще.
А тот, кто в лодке, с ходу стал
стрелять.
Он мне - в плечо и я ему - в плечо.
Простите, думал, папку пацаны.
Теперь когда опять сведут пути.
Я целюсь... В лодке - брат моей жены.
К нему... А он в крови... И мне:
- Прости.

Живем на берегах одной реки,
а жить никак не можем по-людски.

Да что за жизнь! Он «уходи» сказал.
Мотор вдали... Ожили. Думай так.
Я наскоро его перевязал.
Я:
- Арестуй!
А он:
- Беги, дурак!
Я уходил на Диксон. Шел с утра.
Мне в спину - рыбнадзор и ветерок.

В ногах - муксун, четыре осетра -
короче: конфискация и срок...

Живем на берегах одной реки,
а жить никак не можем по-людски...

Страдания

Путь-дорожка дальняя -
горестный удел.
Знать, не все страдания я
в струнах отзвенел.
Мой мотив над углями
горько задышал.
Бабочкой обугленной
бьется, как душа.

Ноченьки постылые
на сердце легли.
Ждешь ли меня, милая?
Помнишь ли в дали?
Мне бы в ножки броситься,
долюшку сломив.
Поцелуем просится
к миленькой - мотив.

Тучами сутулится
небо. Как грозит.
Не на нашей улице
свадьба отзвенит.
И взлетаю кречетом
по сто раз на дню -
все одно я вечером -
бабочкой к огню...

* * *

Ты где-то там, где море, где закат
совсем другой, по-южному красивый,
где волны к нам ласкаются игриво,
с рассудком чувства спорят невпопад.
Ты где-то там, где море, где закат.

Ты там, где избегают говорить
о прошлом, увлекаясь настоящим,
где достается всем впередсмотрящим
и всем, кто поучает нас, - как жить.
Там это избегают говорить.

Ты там, где смех касается всего,
где святость, точно мантия, спадает,
где непохожим быть надоедает,
как будто не теряешь ничего.
Ты там, где смех касается всего.

* * *

Можно объяснить: ты была мой сон,
и его теперь мне нельзя вернуть.
Только все равно пусть вернется он,
я хочу его, я хочу уснуть.

Можно пошутить, вглубь запрятав боль:
это эпизод, случай, ерунда...
Только если в нем мне предложат роль,
брошу все к чертям и воскликну:
- Да!

Можно повторить вечное - пройдет.
Мудростью чужой бряцать как щитом.
Пусть меня сейчас мучает и гнет,
только бы еще встретиться потом.

1985

* * *

Галя, Галечка, Галя,
я нещадно любил.
Как из чаши Грааля,
волшебства я испил.
Беспощадно. Но мщенья
не изведал я страх.
Нет тебе посвящений.
Ты не в них. Ты в стихах.
Тем обманчивым летом,
белым чистым листом,
я проснулся поэтом,
сам не зная о том.
Сон один часто снится
мне средь пенья и игр:
полоненная львица,
окровавленный тигр...

Никогда

Г.Ш.

Не давая тебя уберечь,
нависает, как будто беда,
невозможность объятий и встреч
ни сейчас, ни потом...
Никогда...

Ты однажды уйдешь налегке,
чтоб уже не вернуться сюда.
Точно ключ провернули в замке:
ни-ког-да.
Никогда, никогда!..

Буду внешне я жить, как и жил,
но понять много ль надо труда?
На глаголах желаний и сил
как печать, как клеймо -
«никогда»...

И тону в поцелуях твоих,
рвусь к тебе и бешусь неспроста,
потому что у нас на двоих
есть одно «никогда».
Никогда...

* * *

Ф. Тугушеву

Мною понято наконец,
кто истинный друг и учитель.
Творчество дал Творец.
Искусство дает искуситель.
Спокойно стихи я рву,
плащ сбросив дилетантизма.
Но как прийти к мастерству
и избежать цинизма?

Два офицера

В.Макшееву

Те два офицера,
две светлые тени,
сидели в беседке
в объятьях сирени.
А может быть, души
мне так их явились,
и мне они снились.
Мне так они снились.

Роднят их погоны,
крестов славный бант,
эпоха, законы,
судьба и талант.

Один удивлялся.
Другой признавался:
- Вы знаете,
я на дуэли стрелялся.
С одним гимназистом
в весну запульнули.
А летом сбежал
под германские пули.

Я был незадачлив,
но в сущности чист.
Решил: я удачлив
и авантюрист.

- И я, было дело, -
другой улыбнулся, -

с похожею мыслью
с дуэли вернулся.
А что до войны,
так и я, право слово,
пошел за поэзией
с лексикой новой.

Завидую, Миша!
Признаюсь: увы,
я жизнь не расслышал,
не понял, как Вы.

- Да нет же! Ах, нет же! -
Другой вспыхнул сразу. -
Вы крупный поэт!
Я - лишь автор рассказов.
И Зощенко имя
на лучшей странице
никак с гумилевской
строкой не сравнится.

Бред литературы!
Смех горький для кур...
Все род авантюры...
Дурной каламбур...

- Ах, полно Вам, Миша!
Скажу Вам как другу:
и я, и поэты
мне близкого круга -
распутные баре,
трибуны растраты.
По сути
усталые дегенераты...

Я буду, уверен,
оправдан без мер
лишь тем, что расстрелян
и был офицер.

А Зощенко злился:
- Прошу Вас, не надо!..
Ахматова - это
совсем не растрата.
Вы звоном свой век
весь осыпали чистым
серебряной шпорою
кавалериста.

Вы все-таки каста!
- Да нет, Анна льстит...
Потом, шпора часто
в навозе блестит.

Так виделся спор их.
А дальше смеркалось.
И под ноги жизнь,
как сирень, осыпалась.
Учтивы, порывисты
два офицера.
Те два дуэлянта,
те два кавалера.

Один молвит хмуро.
Другой скажет зло:
- Здесь нет авантюры...
- Нам лишь не везло...

* * *

Глуха ты, ночь, да чуток слух.
От трехголосья мрет хандра,
и со свечами Святой Дух
нас освещает до утра.

Горчит от горьких дум вино,
сладит закуска, как кутья,
не дай-то Бог, в сечи одной
опять кровь лить начнут братья.

Когда-нибудь июньским днем
воссядем на местах своих,
в едином слове помянем
мы всех покойников своих.

Не чокаясь, любой окрас...
Не белых-красных, а народ,
и не одна холера нас
тогда уж точно не возьмет.

И кто остался на ночлег
в чужом краю, домой пойдет.
И несказанный русский снег
ему под ноги упадет.

Рота

С.А.Королеву

и В.И.Семенову

Первый снег,
первый сон за неделю
без смертельного града по спинам.
Застелила метель им постели,
навсбивали бомбежки перину.
Пусть в сторонке
все те же воронки,
пусть в округе
все птицы в испуге,
а во сне соловьи и девчонки,
а во сне мамы теплые руки.

Был прорыв,
оказалось, что с толком.
Но ударная рота накрылась.
К ней из леса пришли стаяй волки.
Рота только в ответ
материлась.
Волки молча стояли,
не выли.
Снег валил, и пурга занималась.
Всею ротой волков материли -
ни патрона на них не осталось.

И ушли волки прочь - не стерпели,
побрели до немецкого дзота.
А вослед им теперь уже пели.
- Ой, мороз... - пела первая рота.

Что он, ранг отделения и взвода?
Он пропал в одеялах из снега.
Спит вповалку ударная рота -
Эти два молодых человека...

По мотивам белогвардейского романса

Ах, мадам!

Ах, мадам, не сминайте
мундштук папиросы.

*C'est impayable!**

Скажем проще:

в России фигня...

У княгини России - роман
с анархистом-матросом.

Кто же дети у них?

Да, князья. А еще - матросня.

Белый конь ускакал.

Солнце русское

всем равно светит,

но теперь, обрывая концы
коммунарских вериг,

о дворянстве мечтают

и грезят кухаркины дети.

И дворяне скорбят

о доходах безродных барыг.

О поместьях ли речь,

если делят опять огороды?

* Это презабавно (фр.).

Как ни реж, ни дели, -
а судьба у России одна.
После многих кошмаров
пора нам проснуться народом.
Благо, солнце одно,
и одна боль
на все времена.

* * *

Всю ночь дождь льет,
всю ночь дождь льет,
сбивая с трав
последний мед,
мишени портя паутин.
А я сижу и пью один.

На одиночестве бичей
есть горькая печать: «ничей».
Я счастлив тем,
что где-то ждут.
Но мысли горькие гнетут.

Мысль о потере, как пчела,
коснулась пьяного чела.
Моих сомнений муравьи
несут страшась тела свои.

Дождь в подоконник:
динь да трень,
и паутинная мишень
в прицел на сердце
собралась.
Сентябрь вступил
теперь во власть.

* * *

Эта страна
никому не нужна,
и зла ей желают
и вслух и украдкой.
Во все времена,
как в рассвете страшна,
опасна-грозна
в самом жутком упадке.

Кометы

Пронося мимо нас
наших жизней секреты,
пропадая в глубинах
немеряной тьмы,
где-то рядом с землей
космос чертят кометы,
и душою и сердцем
волнуемся мы.

И в хвостатых,
в светящихся,
в мчащихся дальше
что-то есть, что зовет,
что терзает и мстит.
Чистый звук камертона
среди явной фальши
так же страшно звучит,
так же странно летит.

И, послушные звуку,
стремленьем ведомы,
наши души усталые
рвутся из тел,
ввысь стремятся,
в неясную вечность влекомы.
Вот немного -
и кажется:
вслед бы взлетел.

Слава Богу,
еще не втянуло движение,
и Вселенной посланцы
призвать не смогли.
Держит милых, любимых
людей притяжение -
неучтенная часть
притяжения Земли.

Разграничила жизнь
сказки светлые с былью.
Нас не станет,
но верю: обломки идей
непрерывно осядут
космической пылью
в душах наших друзей,
в душах наших детей.

Избитые истины

Путь по жизни не ватою выстелен.
Спотыкался и падал, вставал.
Из дороги избитые истины
без конца поднимал, поднимал.

Слава Богу, не выкинул тяжкое,
не попутал на крайностях бес.
Нес как вез, был волом и упряжкой,
нес как долю, как волю, как крест.

Иногда, до предела загруженный,
я под тяжестью истин слабел.
Да, я плюхался в мутные лужины,
но зато в них уже не сидел.

А когда пресечется стремление
узнавать, истин больше собрать,
их рассыплю в последнем падении,
чтоб другой смог найти и поднять.

Корьевка

В.Белявскому

Разговор
переселенцы завели.
Так кроят,
чтоб не чинили внуки
спрос:

- Здесь, однако,
мало пахотной земли.
- А однако, вон луга,
а вон покос.

Распрягли телеги быстро и ловко.
Стало быть, так начиналась Корьевка.

Сеют лен, гречиху,
просо и рожь.
Все с аршин, должно,
растет, зреет тут.
Только августа
сибирского дрожь
кроме ржи
все положила под спуд.

А вот сена нагребли со сноровкой.
С животиной будешь зиму, Корьевка.

А зима...
Плеснешь
из кружки в вышину -

на лету в лед
обращается вода.
Благо,
строиться начали
аж в весну.
А под крышею
чего холода?

Царь налогов не набросил веревку.
Через год и не узнали Корьевку.

Кабы так
все начиналось,
кабы так!
Но иначе быть
деревня начала.
Поздней осенью,
кляня таежный тракт,
из Колпашева
колонна женщин шла.

Дали им топор, пилу да литовку,
начинай-ка жить, поселок Корьевка.

А селькупы
так неласково глядят,
рыбу в речке
не дают и ту ловить
да бросают на несчастных
узкий взгляд,
да зимой грозят:
- Ох, вам не пережить.

И крестьянки, и дворянки, и воровки
роют, бедные, землянки по Корьевке.

Из березовой коры
здесь деготь жгут.
Нормы им
лишь повышаются вдвойне,
и мужчин к весне
из зон окрестных ждут,
раскулаченных ждут
тоже по весне.

Лето в стройках, осень вся в заготовках.
Ничего, перезимует Корьевка.

И зажили не слабо-
перед войной.
Да война, она на то и война.
Не один навек
простился с женой,
не одна от горя
взвыла жена.

Поправляет так меня друг наш Вовка.
Так случилось, он позвал нас в
Корьевку.

То ли к прошлому
обида и злость,
то ли к новому,
но вывод был прост.
Никому в Корьевке
не пожилось,
и теперь здесь
пять домов да погост.

Трое нас, приезжих, даже неловко:
два артиста и художник в Корьевке.

Там сейчас вокруг
снега и снега,
мрачно ночью,
хорошо белым днем.

Вспоминаются
погост и тайга,
и болото
с кровью ягод
на нем.

Бродят мысли там мои, будто волки,
по сугробам у поселка Корьевка.

«Вечерний кофе»

И. Чернявской

Хорошо,
когда снег
сыплет вечерами,
свечи в доме зажечь,
кофе заварить.
Хорошо вспоминать
прошлое с друзьями
и о нынешних днях
с ними говорить.

Что ни год - вечера
гуще и темнее.
Настоящие дни
прежних не теплей.
Оттого любим мы
чище и нежнее,
оттого нам друзья
ближе и милей.

Хота Брут

Что ж ты не спеваешь,
не поешь, петушок?
Видишь, обступила
тьма меня?
Тьма меня...
Затяни-ка песню,
дружок!
Поднеси-ка
к зорьке огня!

Был погост у Храма -
стал пустырь.
Стал пустырь.
Храм полуразрушен.
Гроб да панночка в нем.
Третью ночь читаю,
как рыдаю, Псалтырь
и без сил лежу
белым днем.

Кабы мне товарища,
так нет - я один.
Кабы мне подругу -
было б больше тепла.
Я бы поубавил седин.
Эх, седин!..
Кабы балалайка была...

Я бы подыграл бы
им, толпящимся тут!
Я бы ей, покойнице,
частушкой меж рог!
А они стоят, гнетут,
сметения ждут.
Что же ты молчишь,
петушок?

Что же вы
молчком молчите,
все петухи?
Бражничая и скандаля,
плотски греша,
я теперь душою
искупаю грехи.
Гуще тьма -
светлее душа.

Ведьмину
своей душою
светлой обнял.
Лишь на Божий Суд
ее я душу отдам.
Я отдам.
Не отнял Вий душу.
Не отнял, не отнял.
Обронил на голову
Храм.

Женщины- мужчины

Близок Бог и гроза «коротит»
над землей замыканием.
Искры звезд и комет,
как снопы при заточке ножей...
Но толкают мужей своих жены
к златому тельца изваянию.
И благая душа
привилегией стала бомжей.

Современная женщина
жутким захвачена временем
(искушаема) более нас.
Подавай ей успех,
и на смену мужскому далекому
мирному культу беременных
вышел культ агрессивных
чертовок для игр и утех.

Мне молитвой опасность
таких откровений уменьшена.
Я могу объяснить страх Господний
и дьявольский страх.
Почему с непокрытой главой
в храм не должно входить
каждой женщине,
почему отказаться от женщины
должен монах...

Новый век будет женским,
и, кровь застирав земной скатерти,
Богородицы ради научимся чтить
мы рожавший живот.

После битв и разборок
усталые, мудрые, старые матери
злобных снох своих
крепко научат, возьмут в оборот...

Городской романс

Не принимая многих стилизаций,
я за собою оставляю шанс
добавить что-то скромно, без оваций,
в почти забытый городской романс.
Про многое забыв или не зная,
в старинном танце фраз и слов кружусь
и вместо «Ты», где «т» - лишь прописная,
к тебе на «Вы» с заглавной обращаюсь.

Вы помните! Вы ждите, умоляю!
Я так устал от лиц и фраз пустых,
до тошноты табачный дым вдыхая
и горький запах газов выхлопных.
Меня февраль метелью ослепляет.
Иду по центру, чей-то и ничей.
Мне в мертвом свете улиц не хватает
тепла и света, милой и свечей.

Подслеповатые бегут автомобили,
и суетятся люди, и, хоть плачь,
так хочется, чтоб Вы меня любили,
но как любить, когда я Ваш палач?
Когда я ухожу без обязательств,
когда я возвращаюсь сам не свой,
когда топор семейных обстоятельств
уж занесен над милой головой.

Я раздвоюсь на шумном перекрестке,
себя гоню по разным адресам
кнутом отказа. Бью и зло и хлестко,
и все равно един являюсь к Вам.
Вокруг то рассветает, то темнеет,
и мне пора опять идти, увы.
По городу иду, и смысл имеет
до тех он пор, пока в нем ждете Вы.

* * *

С хитрой борзостью поэта
говорю, не пряча дрожь:
- Выведет людей планета,
как докучливую вошь.

Улицы, улицы снегом летящим
первым, искрящимся, занесены.
Вечер играет моим настоящим,
с явью сплетая прошедшие сны.

Кажется, рядом, другим тротуаром
я, только юный, с девчонкой иду.
Я, не познавший невзгод и ударов.
Я, только где-то в далеком году.

Девочка-девочка, снег на ресницах,
хладные пальцы у злых моих губ.
Знаешь, потом в женских виденных лицах
каждый их вздох мне покажется груб.

Лампы неоновый свет, и окошки
старых подъездов, шпионя, глядят.
Улицы-улицы, как одноножки,
лишь фонари по бокам вас стоят.

Вот и очнулся. Ну что, как ломака,
мучаюсь, прошлое время кроя?
Женщина рядом с авоськой, бедняга.
Так же и девочка где-то моя...

Шаг и еще... И при чем здесь сомненья?
Робость при чем? Знаю я, что в долгу.
К ней подхожу. Как прошу я прощенья:
- Вы разрешите, я Вам помогу.

Подражание народной песне

Не хотел, да выпало...
Все терпел, да выплакал.
Слезами горячими на зимнем ветру.
И пургой охаянный
встал, как неприкаянный,
будто гость нечаянный во чужом пиру.

Поделом настырному
дурню простодырому!
О весне, о лете он возмечтал зимой.
Небо вновь замутится,
оттепель оступится,
ноченьки навалятся непробудной тьмой.

Льдинки с век срываются,
за усы цепляются.
По устам обветренным розгой бьет мороз,
чтоб, пройдя сугробами,
дебрями, чащобами,
речи свои жаркие к милой не донес.

Пусть снега не стаяли -
где-то птицы стаями
шум, у рощи отнятый, на крылах несут.
Встречусь с ненаглядною,
ивушки нарядные
над рекой зеленые косы расплетут.

Не хотел, да выпало...
Все терпел, да выплакал.
Слезам горючими на зимнем ветру.
И пургой охаянный
встал, как неприкаянный,
будто гость нечаянный во чужом пиру.

Ночная гроза

Ночь как гигантской фотовспышкой
пронизана, освещена.

И гром с короткой передышкой
лишает отдыха и сна.

Я чувств перечислять не стану -
все как у всех, что тут кривить?
К нам в ночи темную сутану
вплелась серебряная нить.

День прошлый славно увенчался.
И вспомнил я один из дней,
когда свет молний отражался
в глазах возлюбленной моей.

1983.

* * *

Здравствуй, ваше величество полночь!
Панибратство хмельное прости:
- Мне нужна твоя скорая помощь.
Засвети мне луну, засвети.

Утомлюсь от надежд и от дыма,
от дыханья пришедшей весны.
Все тяжелое, гадкое - мимо
под лучами волшебной луны.

Я уйду мимо синего света
в незнакомые раньше пески,
и извечного мягкая мета
успокоит от боли зрачки.

Пес огромный зальет землю воем,
на луну свою душу излив,
и мелькнет плащ с кровавым подбоем,
белым красного крик заслонив.

А за окном пурга,
как волчья стая, воеет
и хищно прыгает
с сугроба на сугроб.
- Скажите, доктор,
что болит, что беспокоит?
Позвольте пульс,
позвольте Ваш усталый лоб.
Что с Вами, доктор?
Просто Вы озябли малость.
Сквозняк с тоской
крадется снова от окна.
Я Вам диагноз ставлю:
легкая, усталость.
Скорей огня, свечей,
объятий и вина.

Я также болен,
также требует решения
душа, зажатая
тоской в грудную клетку.
Мой доктор, я
борюсь с недугом
увлечения.
Мой доктор, я
боюсь серьезно заболеть.

Но, доктор мой,
утратив связь
в цепи причинной,
пора и мне молчать,
и Вам не блефовать.
Мне, хоть убей,
неизлечимо быть мужчиной.
А Вам хронически
лишь это признавать.

Дождь в душе

В эту ночь я не знаю сна,
да и знать не хочу его.
Навалилась на грудь весна -
давит в полную мощь.
Там, за тучами, есть луна.
Здесь, под тучами, плач снегов.
Над снегами колдует дождь,
и в душе моей дождь.

Что же будет еще со мной,
что ж изведу я теперь?
Я совсем заболел весной,
я усталый от слез.
Я согласен принять покой,
только б мне избежать потерь.
Сколько можно еще терять
из того, что я нес?

Кто-нибудь, прикоснись душой
к обветшавшей моей душе.
А на улице дождь большой
малый снег уже съел.
Души, близкие мне, межой
март открывал неглиже,
наготой ножевой своей
сердце больно задел.

В эту ночь я не знаю сна,
да и знать не хочу его.
Навалилась на грудь весна -
давит в полную мощь.
Там, за тучами, есть луна.
Здесь, под тучами, плач
снегов.
Над снегами колдует дождь,
и в душе моей дождь.

Вера Слепцова- борец революции

Ближе, ближе, ближе к ней
Цокают копыта.
Генерал на службу едет.
Цокот в мостовой...
А эсерка Верочка
пальчиками скрытно
«браунинг» из сумочки
вынимает свой.

От напора юного
вздыбенились лошади.
Кучер глупой дамочке
настегнуть грозит.
Хлопнули три выстрела
на Соборной площади.
Их превосходительство
наповал убит.

Гордо площадью прошла арестованная -
режет взглядом обывательский сброд.
Революция - это готовность
жизнью жертвовать за народ.

Отхлестнул Октябрь, как шашкой,
юность отшумевшую.
Савинков - тот не уймется, -
лупит по рукам.
Вера с Борей не пошла.
Вера повзрослевшая,
поплутав отчаянно,
шла к большевикам.

Комиссаром в кожанке
ходит Вера Павловна.
За тюрьму, за каторгу
только жестче бьет.
Продотряд... Гражданская... ВЧК...
А главное -
Жертвует и жертвует
жизнью за народ.

И гори-пропади она, женственность,
коли контру с пулемета косить...
Революция - это жертвенность...
Нужно жертвы ей приносить...

Молодой энкавэдэшник,
сопляк недоученный,
Веру Павловну Слепцову
светом ослеплял.
Все «троцкисткой» называл.
Руки ей выкручивал.
С пострелявших пальчиков
ноготки срывал.

И к ногтю родимую!..
Под каблук сердешную!..
- Это Сталин!.. Это Сталин!
Сталин виноват!.. -
шепчет Вера Павловна. -
За что меня, грешную?
Да за что же, Господи,
Мне при жизни ад?!

Над Лефортово январская вьюга.
Обезумевшая баба ревет:
- Революция - это гадюка...
Нас, гаденышей своих, жрет!

Песенка уличного музыканта

Возьму-ка я шляпу
да сяду с гитарой.
Начну тихой сапой
на улице старой.
Махно в моей песне
в районе Ростова,
еще в моей песне
два матерных слова.

Глаза атамана
подернулись стужей.
Стоит истуканом
перед ним хлопец дюжий.
В защиту талантов
Махно ему двинул:
- Почто музыкантов
обидел, скотина?

Он хлопнул дверями
и вымолвил строго:
- Б... с кобзарями
никто чтоб не трогал.
По хрену вам в пасти.
Что ж робите, братцы?
При всякой при власти
они пригодятся.

Глядел точно в воду.
Да, в годы лихие
сгодились народу
и те и другие.
Но власть не дремала.
Она с упоением
б... отдавала
свое предпочтенье.

Власть с тем дружбу водит,
кто с ней на пуантах...
Б... производит,
гнобит музыкантов.
Пою-напеваю,
тоска душу гложет.
Как б... завываю:
- Подайте, кто может.

* * *

Боль эту я в себе не заглушу
и знаю: не поможет мне никто.
Не то желаю и не то пишу -
везде не то... Не то... Не то... Не то...

И не уместны рвение и прыть.
Жизнь бросит, как бочонок из лото.
Одно желаешь навсегда закрыть,
а выкрикнула - и опять не то.

Теряешь нервы. Мысли, как вода,
уходят через строчек решето.
Останется по капле - ерунда.
Хоть близко это, но опять не то...

* * *

Не вой противно так, собака.
К чему по-волчьи завелась?
Что понимаешь ты? Однако
права: в стране меняют власть.

Бомж

Почти привиденьем,
без спешки, без сил
по улице города
бомж проскользил.
Зашел в магазин
от трескучей зимы
и в тамбуре сел
в сизый мрак полутьмы.

Подошвы, подошвы
и эдак и так,
и пара дверей
рубят свет, и сквозняк...
И падает мелочь, в шапчонку ложась,
и бомж вспоминает, за сердце держась.

И вспомнилось лето
и дом (первый дом).
Немало по жизни их было потом.
Но там, в этом первом
(тепло вспоминать)
еще были живы сестренка и мать.

Казарма мелькнула...
Общага звала...
Пусть прежнего не было в этом тепла.
Сквозь годы шальные сознание несло.
Ах, как там спалось, как там сладко спалось!

Купюрою мелкой коснулись руки,
а бомжу казалось - пекут пироги.
Озноб вкрался в спину, озябла спина,
а бомжу казалось: простила жена.

Обед в магазине.
При входе - народ.
Два грузчика тело
ногами вперед
тащили, как куль
(будто не человек),
и сыпалась мелочь
из шапки на снег.

Он все улыбался безжизненным ртом,
сверкая на солнце истертым мостом.
Улыбка - не боли изломанный тик.
Бомж Бога увидел в последний свой миг.

* * *

*"Песни Максимова
бумага не терпит".
Из высказываний
поэта.*

Не признавал меня
один пиит.
Все поучал он
в слезно-слюнной влаге.
Но золото не все,
что нам блестит.
Поэзия - не все,
что на бумаге.

Я за уроком
братъ готов урок
и впрок, чтоб чувства
в строки обернулись,
чтоб написать
хотя бы пару строк
сродни «Шумел камыш,
деревья гнулись».

Поэт великий
в приступе тоски
сказал, я повторю
в тоске и хмуро:
- Я не пишу.
Пошли вон, дураки!
Не занимаюсь я
литературой.

Иван Козлов
создал «Вечерний звон».
Незнаем как поэт,
любим при этом
он не за то совсем,
что в книжки он
вчеканивал свой профиль,
как в монету.

Прибрал Всевышний
имя без угроз.
Он знает, что не надо,
а что надо.
Раз гений, напиши
«Мороз-мороз».
Талантлив - напиши
«Моя отрада».

Стихи слагаю
и стыжусь писать.
Пою
и самомнение
мною не вертит.
А это, господа,
не в тапки с...,
и, кстати, как дерьмо
бумага терпит?

* * *

Не раз,
побывав под пером,
даже бред
являлся к читателю балом.
Из слякоти сделает праздник поэт,
букет свежих роз из скандала.

Выдающемуся постмодернисту

Общепризнанная каналья,
свой нащупавшая момент,
гениальная гениталия,
выдающийся экскремент.

Три буквы

Кратких слов
матерщинная суть
пала-выпала
в строки.
И нельзя обмануть,
и не надо обманывать,
врать.
Это жуткий пасьянс,
но беру я у букв
вновь уроки,
в звуковую вникая
продажность,
прозрачность
и муть.

Не один
помахал
перед плахою
белой рубахой.
Ноздри вырваны,
выбиты зубы,
язык вырван...

Жуй,
посылая
своих палачей,
как и водится,
на ...

Вот вам «х»,
вот вам «у»,
вот взлетело
надсадное «уй»!

Мне
в суворовском имени
буквы кострами
пылают.
Мне альпийских лугов,
показалось,
пригнулась трава.
Там еще
с той поры эхо
нашей равнины
летает.

Вот вам «у»,
вот вам «р»,
вот вам наше
равнинное «а-а-а».

Близкому барду

Я слышу песни эти,
все неожиданно классные.
Поверь, что раньше были
чаще все напрасные.
И говорю тебе
(признание через шок):
- Побереги себя, дружок.

Ты как-то меньше,
как-то бережней растрачивай.
Ты как-то вробчивей
себя переиначивай.
Пой снегирям,
не перекрикивай сорок.
Побереги себя, дружок.

Поверь, завидую.
Я хорошо завидую.
Я преуспел на вид,
да это только с виду-то.
Я просто, свыше получив,
плачу оброк.
Побереги себя, дружок.

Да, зависть светлая.
Не черная, не подлая.
Талант, я знаю, -
это дело переходное.

И удержать нельзя,
и не нахапать впрок.
Побереги себя, дружок.

Сегодня есть талант,
а завтра измочалился.
И тот глупец,
кто осознал и опечалился.
Дар навсегда
имеет свыше лишь пророк.
Побереги себя, дружок.

Побереги себя.
Вокруг захороводятся.
Зерно раз есть,
так мыши подлости заводятся.
Пусть больше будет
свежих образов и строк.
Побереги себя, дружок.

Романс

Разлили свечи золото по залу,
смирили душ метанье, вызов глаз,
но выдыхом и горьким и усталым
по клавишам рояля пробежало:
«Все против нас».
Увы, все против нас.

Все против нас. От телефонных трелей
до выводов, что горше к разу раз.
От холода гостиничных постелей
до писем, доходящих еле-еле,
все против нас.
Увы, все против нас.

Я вас люблю. Безрадостно признание,
когда на сотни километров в час
простерлись эти многие скитанья
с тяжелым шлейфом мук и опозданий.
Все против нас.
Увы, все против нас.

Частица «не», к моим словам цепляясь,
тиранит душу, смысл обрезав фраз.
Осознаю, к вам снова устремляясь,
в любви своей не каясь, не смиряясь:
все против нас.
Увы, все против нас...

* * *

Ну вот и грань,
когда хулить и славить
закончился отмеченный нам срок.
И лучше чистым белый лист оставить,
чем простягать его стяжками строк.

Ушло то время,
как бы ни старались
кричать надрывно и шипя клеймить.
Надеюсь, что поэты проорались.
Есть голос - пой, и нечего вопить.

Мне снилась женщина

Не вижу снов - живу,
сжигая явь под теменем.
И вновь ревмя реву -
все сны в прошедшем времени.

Мне снилась женщина.
Была она моею.
Была она любима мной.
Я был любимым ею.

Лежал под голосом,
как под небесным пологом.
Студили волосы
мою хмельную голову.

Мне снилась женщина.
Была она моею.
Была она любима мной.
Я был любимым ею.

Кружило, вьюжило
лицо в ее объятиях.
Струилось кружево
одежного проклятья.

Мне снилась женщина.
Была она моею.
Была она любима мной.
Я был любимым ею.

Не вижу снов - живу,
сжигая явь под теменем.
И вновь ревмя реву -
все сны в прошедшем времени.

Ожидание

Из циферблата часов
вытягиваю взглядом
упирающиеся секунды.
Выцарапываю минуты,
установ в ожидании слоняться.
Чувств непокорных
усмиряю бунты.
Время, иди быстрее,
кончай издеваться!

Еще полчаса,
четверть часа,
сжав зубы,
на предплечье мотаю.
Время резиновое, неподатливое,
неумолимое.
Минуту, еще минуту,
как анальгин, глотаю,
но боль, как была, -
резкая, нестерпимая.

Ну вот и дождался. Пой,
можешь смеяться!
Что же нет смеха?
Все, что просил,
часы дали.
Не приехала.
Не-при-е-ха-ла.

Не приехала.
Часы тикают,
и чувство
будто бы обокрали...

* * *

Ты милым летом
вторглась в мой
холодный май,
наполнив медом чувств
души озябшей соты.
Как терпка сладость!
Как тягуча позолота!
Закрой глаза.
Губами теплый воск сломай.

Мне каждый локон
мил и лаком.
Я в любви
в твои глаза гляжусь -
и так резки границы:
рабыни робкий взгляд
и гордый взор царицы...
Из-под ресниц
мне их смешение яви...

Пусть дрогнут пальцы
от запретного тепла,
и с жаром капли нот
падут в пространство встречи.
И немоту разлук
аккордом тронет вечер,
сплетая с музыкой
и души, и тела.

* * *

У нас любовь с тобой - одно прощание...
Одно тягучее, одно бескрайнее.
Одно немыслимое покаяние
с грехами впрок, с моей виной заранее.

Сегодня что-то тихо надломилось вдруг.
Нет, не желание тепла покинуло,
а просто голову поднял из милых рук,
и ночь на душу звездный час надвинула.

И волхвование на мне запуталось,
разорвалось лучисто-звездной вечностью.
И счастье дымкой высших сил окуталось,
и Страх Господен совладал с беспечностью.

Старославянские шепчу речения...
Как задохнись: «Да лобжет мя лобзание».
Целуй меня! И пусть царит прощение
над нашим горестно-благим прощанием.

У нас любовь с тобой - одно прощание...
Одно тягучее, одно бескрайнее.
Одно немыслимое покаяние
с грехами впрок, с моей виной заранее.

Из поэмы «Многоточие»

I

На стене
закат
проводит полосы
плавным и уверенным мазком.
Женщина расчесывает волосы,
плавно водит руку с гребешком.
От одежд, стыда освобожденная,
стройный стан не прячет под шелка.
Для любви и нежности рожденная,
плавно водит руку от виска.
Я влюблен, я пьян тобой. Растерянно
каждый жест подаренный ловлю.
Не хочу, чтоб было все потеряно,
потому хотя бы, что люблю.
Ненавязчив вечер. В томной нежности
я тону пьянея, я горю...
Смерть, я знаю силу неизбежности,
но люблю!.. «Люблю», - вновь повторяю.
Мысль о горе тем невыносимее,
что зовут упасть пред нею ниц
ног ее божественные линии
и ее пластичность без границ.
Мой родник, пьянящая, любимая,
свежесть, вдохновенье, жизнь сама!
Кожа, в чистоте неповторимая,
и глаза, сводящие с ума.

Ветерком волнующим целуема,
антипод зловещего огня,
грудь, дыханьем вечера волнуема,
смотрит красотою на меня.

II

Нежность...
Глаза...
Губы...
Только ресницы.
Жадность...
Ладони...
Тоска...
Покорись!
Мысли -
стальные
и колкие спицы.
Не торопись...

Пальцы...
Прохлада...
Волнение...
Кожа...
Бездна...
Я волей
желание злю.
Стон...
Было...
Было,
но так непохоже.
О, я люблю!

Локоны...
Плечи
с июньским загаром.
Руки...
Дыхание...
Ласка...
Тепло,
бывшее только что
буйным пожаром.
Не тяжело...

1983

Казачья походная

В. Овчинникову

Послужили казаки России -
казаку Россия - родна мать.
Турку били. Немца помесили.
Все одно, с какой холерой воевать.

Завостри ты пику, подхорунжий.
Есаул, скомандуй «под седло!».
Поведи, сведи путем окружным,
чтоб рубать вослед и шашки наголо...

На погоны брызнуло от взмаха.
Ты, мой конь, узды не оборви.
Ой, рубаха, ты моя рубаха,
насрозь мокрая от поту и крови.

Воздрогни, ливонец, вспомни славу -
ту, которую запомнил лях.
Когда сотня развернется в лаву
и пошла колоть-крошить на шенкелях.

Послужили казаки России -
казаку Россия - родна мать.
Турку били. Немца помесили.
Все одно, с какой холерой воевать.

Песня о городе Асино

Ну вот и Итатка
проходит с мостом под колесами,
а дальше до боли,
мне все здесь до боли знакомо.
Вдохнулось всей грудью
росою, туманом, покосами.
Ну вот, наконец-то доехал,
добрался, я - дома.

И как ни тепло обнимают
другие меня города,
по свету немало мотает,
немало по свету,
но все же я еду сюда.

Мне лихо здесь было,
и тяжело я был здесь обязан.
И как ни платил,
оставался все время в долгу.
Я точно сиблаговский зэк
с этим городом связан.
Я точно курсант лет военных
забыть не могу.

Люблю! Воспаленное слово
доносят сюда провода.

Звоню. Уезжаю и снова,
и снова, и снова,
и снова я еду сюда.

А знаете что?
Это просто
так кажется, братцы.
Не там опасаемся мы
нас сжимающих пут.
И только желание наше
идти-возвращаться
подскажет, где нужен,
где помнят,
где, может быть, ждут.

И как ни тепло обнимают
другие меня города,
по свету немало мотает,
немало, по свету,
но все же я еду сюда.

Пастернак

Боялся он
и - не напрасно...
Ну как он сумел уцелеть?
Он не был ни белым, ни красным
и с кровью еврейской на треть.

Он вздрогнет,
свою видя книжку.
Он часто, шагая домой,
вновь вздрагивал,
если придурок-мальчишка
вслед крикнет глумливо:
- Хромой!

Сильнейших повыбили годы.
Прочь! Залпами вон из живых!
Он прятал себя в переводы,
но личность сквозила из них.

Как по миру
двинул по миру.
Вид сделал,
что прочь захромал.
Но личной окраски
трагизм из Шекспира
его с головой выдавал.

Цветы расцветали жирея
в квадратах погостной земли.
Кремлевские оранжереи
садовники те берегли.

Он с ними
не спорил,
однако
отверг
тот пайковый
навоз.
И кто знал тогда,
что цветы пастернака
ценней будут
вычурных роз.

Еще не утихли скандалы,
кружа по земле клевету,
душа его выше летала,
земную презрев хромоту.

Оставив
земные печали,
взлетел
над сгустившейся
тьмой.
И толку,
что снизу
упрямо кричали
придурки,
как прежде:
Хромой!..

* * *

От боли вся страна дуреет,
и где ни тронь - везде болит.
Не тот в чести, кто всех согреет,
а тот, кто всех испепелит.
Как будто взвился пламень адов,
и тот, кто жжет, тот и согрет.
Сегодня время геростратов,
другим героям места нет.

Антон Палыч Чехов расстроился очень,
когда осознал, и тому много лет:
в российских названиях - газетных и прочих -
отмечена тяга к тому, чего нет.

Чего же такого у нас не хватает?
Конечно же, света - как тут не смекнуть.
И кажется нам, что его заменяют
Журнал «Огонек» и колхоз «Светлый путь».

«Прожектор» и «Факел» горят, но не греют,
Палят «Прометеев» повсюду зазря,
а в небе ночном нашем ярко алеют
«Сибири огни» и «Востока заря».

«Знамена» с «Трибунами» все нам заменят
ты варезку только сильнее разевай.
Нам солнца не надо - нам партия светит.
Зарплаты не надо - работу давай.

Мой шеф на работе, Поскотина Верка, орет мне:
- Центральные члены не трожь!
Коль есть «Комсомолка» и есть «Пионерка»,
центральная «Правда», все прочее - ложь!

На каждую область по правде... Все знают.
И так вдруг выходит, что врет жизнь сама.
Чего же такого у нас не хватает?
Я думаю так: не хватает ума.

Обрыдло

Не стану намазывать
сладкое слово
на горький свой хлеб,
как сластена повидло,
когда из всех слов
снова, снова и снова
одно лишь подходит:
«обрыдло»...
Обрыдло...

«Обрыдло»
рифмуется с «быдло»,
и только.
Мне скулы свело
немотой нестерпимой.
Обрыдло...
Так что же креплюсь
зло и стойко,
захлестнутый рвотою
невыносимой.

Обрыдло,
и мне
с непременным
сиропом
газеты и телек
сочатся и плачут.

А в жизни
восторженно-ревностным
скопом
по телу страны
нечисть блохами
скачет.

Ангел

Я мертвым упал,
а другой я, рассеянный зритель,
смотрел свысока,
ощущая вокруг сатану.
И видел я свет
и я чувствовал: ангел-хранитель
меня в мое тело
из рук его цепких вернул.

И светом задело.
Мой ангел, крылами шурша,
усталое тело
раскрыл, чтоб вернулась душа.

До чертиков, до шабашей,
жизнь живя атеистом,
как многие, я
от песка на глазах прозревал.
Я верю: для цели высокой
из длани когтистой
меня мой хранитель,
себя не щадя, вырывал.

Печальным итогом
над Родиной крик петухов.
Не выйти без Бога
из тьмы наших смертных грехов.

Бог не искушает.
Нас бесы искусом месили.
Вопросы задали,
и вот он, ответ: на-чер-та!..
Великое шло искушение
всегда за Россией
за то, что Господь
ей Великой стоять начертал.

Покорно целую
все мне отведенные дни.
Пою «аллилуйя»
на струнах «спаси-сохрани».

Взрослым сыновьям

Когда я умру,
вы, мои сыновья, соберитесь.
Одни, семьи на день
кормильцев и папок лиша.
Любите друг друга.
Не выдайте батьку,
не злитесь.
Тем более рядом моя
где-то будет душа.

За вас, сыновья,
я при жизни еще
изболелся.
А жены мои,
ваши мамки,
еще наплетут.
Меня помяните,
вздохните,
но только не врите.
Я с вами сижу,
хоть невидимый,
с вами я тут.

Я к вам заявлюсь
в ваших снах
от любви,
не от скуки.

Гитары коснуться,
в раю нет похожих гитар.
Я очень прошу,
мои милые внуки и внучки,
на глупого деда
не злиться.
К тому ж дед не стар.

Я всех вас любил и люблю,
как при этой минуте,
когда для меня
хлебом белым
накрыт мой стакан.
Я грешен, но не был
в гордыне
и не был я в блуде.
Признаюсь семейно в одном:
был я самотиран.

* * *

Надоели мне извечные расспросы,
к откровению ненужному призыв.
Как бикфордов шнур, сжигаю папиросы
и едва гашу уже готовый взрыв.

В прошлом я всего достаточно имею.
Был бы рад его на треть похоронить.
Если лгать о нем правдиво не сумею,
если честно - ложью все не объяснить.

А внимание доходит до бесстыдства,
и терзают, не стесняясь ничего.
Мне всегда везло на чье-то любопытство,
я и мненья не умел скрыть своего.

Амазонка-99

Мне Амазонку
вспоминать печально.
На дне ее
лежат большие тайны.
Там, в глубине ее,
Лежит Халил.
Я слезы там
немалые пролил.

У нас у всех
с английским худо текстом.
Собрали нас
с охотничьим рефлексом.
И надо ж так!
Рефлексы, черт возьми,
Дружка-овчарку
сблизили с людьми.

Халил стрелял
с двух рук одновременно.
То вместе, то поврозь,
попеременно.
Он точно жизнь
с обеих рук поджег.
А поперек ему
взлетал Дружок.

Дружок-овчарка
быстрая, лихая,
за борт летел,
в апорт за попугаем.
Свои «тт»
рвал из кобур Халил
и раз Дружка
чуть-чуть
не пристрелил.

Вперед немного
забегая, сразу
скажу: искали
гитлеровцев базу.
Как прежде
к фрицам в тыл
и здесь пошли,
и пакость в том,
что мы ее нашли...

Крутил я щепку
и швырнул в канаву.
Халил со зла по ней
взял врезал с правой.
И с левой пару пуль
еще вlepил.
Дружок, дурак,
ту щепку ухватил...

Вокруг Дружка
с бинтом я суетился.
Халил держал его
и матерился.

Я:
- Пристрели.

А нет -
так поддержи.
Халил аж взвыл:
- Не тронь!
Перевяжи...

Собрал Дружку
я зубы.
Все как надо.
Спустя неделю -
под ноги граната...
Гранату отшвырнуть -
опасный спорт.
Халил - к гранате,
и Дружок - апорт!

Халил, Дружок и я
втроем в воронке.
Ребята рядом
фрицев бьют в сторонке.
Дружок на нас глядит,
а сам хрипит.
Запал гранатный
из бинтов шипит.

Я помню как сейчас:
наружу лезу,
Дружок скрипит
зубами по железу,
и рвет гранату
у него Халил.

А дальше взрыв,
и все...
И нету сил.

Там дождик лил.
Дождливая погода.
Я их обоих
опустил под воду.
Пираньи жрать
накинулись, спеша.
А я стрелял,
я бил из "ППШ"

Мне Амазонку
вспоминать печально.
На дне ее
лежат большие тайны.
Там, в глубине ее,
Лежит Халил.
Я слезы там
немалые пролил...

Айболит - 66

Дело шито-крыто...
Влезли и молчим.
Мы, как айболиты,
в Африку летим.
Мы везем гостинцы -
спецбоезапас.
Черные кубинцы
взвыли там без нас.

В Африке акулы, в Африке гориллы,
в Африке большие злые крокодилы.

Письма мы писали
месяц всем гуртом,
чтоб их посылали
целый год потом.
Издевался старший,
уставая ржать:
- Письма будут ваши
лет так пять читать.

В Африке разбойник, в Африке злодей,
в Африке ужасный Бармалей.

Дальше - больше страшно.
Все и началось:
у посольства шашни,
а у нас - лишь злость.

Штурм прошел успешно.
Взвод охрану смял.
Друг мой, Сашка Смешнев,
Бармалея «взял».

В Африке разбойник, в Африке злодей,
в Африке ужасный Бармалей.

Уходили тяжело -
Сашку я тащил.
Был тяжелый Сашка,
старший пристрелил.
Сельва подсказала,
где похоронить.
Айболит усталый,
я надумал мстить.

В Африке акулы, в Африке гориллы,
в Африке большие злые крокодилы.

Старшему гостинца
в грудь я не донес.
Негры - два кубинца -
сбили, в рот их, в нос...
Лил я водку в глотку
и кубинцев злил,
плакал и в подлодку
связанным входил.

В Африке акулы, в Африке гориллы,
в Африке большие злые крокодилы.

Я все на запрете...
Так что все я вру...
Спрашивали дети:

- Видел кенгуру?
- Кенгуру не видел.
Вот такой изъян...
Крокодилов видел,
видел обезьян.

Вы читайте детям, и отец и мать:
«Не ходите, дети, в Африку гулять.
В Африке разбойник, в Африке злодей,
в Африке ужасный Бармалей».

Автомат Калашникова- 79

В.П.Малкову

За сокращения в стихах,
я знаю, страшно бьют.
Но так зовут меня - «АК».
Почтительно зовут...
Конструктор наш не подкачал
и не подвел страну.
Он брата старшего зачал
в далекую войну.

Со «шмайссерами» был знаком,
желал свой автомат,
и вот в году в сорок седьмом
родился старший брат.
Судите сами, был ли плох:
весь полигон дурел.
Вот «ППД» смолк и заглох,
вот «ППШ» сомлел.

Всех били с силой о бетон.
Брат и в бассейн нырял.
Всех искорежили, а он
всему на зло стрелял.
Вся госкомиссия без слов
голосовала «за!»,
у ворошиловских стрелков
на лоб ползли глаза.

Брат средний так же вышел всем -
разил и не темнил.

Он, нареченный «АКМ»,
укрытия крошил.

Он на винтовки посягал
по точности огня,
бетон, как масло, прошивал,
сдавалась и броня.

Служили братья тут и там.
Их под «фантомов» гул
заросший джунглями Вьетнам
с винтовкой «М» столкнул.
У «М-пятнадцатых» стволы
длиннее - very well.
Воздали братьям похвалы
те, кто остался цел.

Просила каждая рука
хотя бы поддержать,
а кто-то вместе с «ДШК»
решил их продавать.
А там вцепились жадно в них,
их рвали - только дай.
Так братьев продали моих
в Анголу и в Китай.

Я молод был, хотел стрелять.
Я знал: причины есть.
А мой калибр 5,45
не хуже семь и шесть...
Из Витебска, где ветер дул
с напором наших зим,
я десантирован в Кабул
с хозяином своим.

Они менялись - вот беда -
хозяева мои,
но рад я все же: иногда
щадили их бои.
Но первый мой, хозяин мой
с проломом у виска
был в цинке увезен домой...
Убит из «ДШК».

Второй хозяин мой, солдат,
чуть-чуть не дослужил.
Ему в бедро мой старший брат
две пули засадил.
Про снисхождение мое
«АК», мой брат, забудь.
Я раскрошил ему цевье
и «духу» выгрыз грудь.

Брат средний мой на высоте.
Он, как всегда, в цене.
Он из засады в темноте
не раз гвоздил по мне.
Я так по братскому теплу
скучал, а он, душман...
Зачем же нас стволом к стволу
поставил ты, Афган?

Из брата «дух» в нас не попал,
и сразу же ему
пришлось раскручивать со скал
зеленую чалму.
Но из-за камня в нас в упор
так, что хоть вон душа,
с британской винтовкой «БОР»
бил русский «ППШ».

Стой, « ППШ »! Я лично - пас...
Что с нами, старина?
Не знаю, что с людьми, у нас
гражданская война.
Да что ж они в конце концов,
ведь мы одних кровей!..
Но бьет оружие отцов
в подросших сыновей...

Хозяин топал в медсанбат,
ругаясь горячо.
Мой брат - трофейный автомат -
тянул ему плечо.
Хозяин - парень не простой,
он как-то намекал,
что виноват во всем застой.
Он, сука, продавал.

Я - автомат, не мне решать -
задача есть своя -
как инвалюту добывать,
вам не советник я.
Года идут, я стану стар,
но что хочу сказать:
- Я крайне мстительный товар,
не стоит продавать.

1986

На войну и на свадьбу
приносит народ
ритм с мотивом,
и горе тому,
в ком раздрай.
За Кавказский хребет
приноси хоровод,
а с попсою и не суйся
в лезгиночный край.

Для того, чтоб понять,
что такое Кавказ,
не ходи, не ходи,
не ходи на войну.
Посети, погляди
ты один только раз
на кавказскую свадьбу.
Любую. Одну.

Было время
немецкие марши ломать,
плясовой отплясали
по ним от души.
Если вздумал-надумал
ты с кем воевать,
ритм его принимай
или свой навяжи.

Под «фанеру» визжали:
- В три дня победим.

Чей неясно озвучили
пакостный рот?
И лезгинка чечен
жестким ритмом своим
изломала
военно-эстрадный поход.

На войну и на свадьбу
приносит народ
ритм с мотивом,
и горе тому,
в ком раздрай.
За Кавказский хребет
приноси хоровод,
а с попсою и не суйся
в лезгиночный край.

*Ускользает от слов и понятий
образ жизни
размытый, земной,
и туманность житейских объятий
с бездорожьем стоит за спиной.*

*Зябко телу, с душою неладно.
Вешний дождь
дождь осенний сменил,
и воздушной волною прохладной
лоб горячий сентябрь остудил.*

*Над душой,
дождь унылый, не висни.
Мне милей снегопад и гроза.
И сквозь серый земной образ жизни
ищут снова глаза Образа.*

Не выдайте

У реки гонец скатился с коня.
На груди избита-смята броня.
За спиною гики, звон тетивы,
стрелы ливнем - не сносить головы.
А на берегу другом княжий стан.
Князь в обиде на соседей-древлян.
Не хотели вместе быть - горе мыкайте.
А гонец кричит:
- Ох, братцы, не выдайте!

Знают вороги про княжий раздор,
разжигает хан добычею взор,
и стригут арканы верх тальника.
Не спасет гонца от плена река.
А на князе как и нету креста,
зря дружина как грозой налита.
И тебя, князь, ханский нор-ов-то
злит поди?
Тишина - и только слышно:
- Не выдайте.

Отпустил седло и вон из воды,
и во след гонцу ряды да ряды.
Выбираются на берег смеясь.
Что же ты молчишь, что думаешь, князь?
Неужели перегнет душу блажь,
неужели так вот молча отдашь?

Пленник юный как волчок под копытами.
- Ох, не выдайте, братцы, не выдайте.

Долго, хан, терпенье будешь пытаться?
Нынче ратника? А там что отдать?
Не бывать тому - и грудь за щиты,
и схватились и сшиблись у воды.
И рубили ненавистных татар -
только головы летели под яр.
Встали разом над былыми обидами
и не выдали. Ох, братцы, не выдали!

Александр Невский

О.Завьялову

Глядя на первую звезду,
князь снова покидал Орду.
И его морозило...
Лед Чудского озера
виделся ему в бреду.

Бог призывает - понял князь,
к милым пределам торопясь...
Понял: сделал главное -
веру православную
спас, с Ордою замирясь.

В шорохе высохшей травы
слышался князю плеск Невы,
злобный гомон воронов,
вопли его врагов
в дни, когда он шел «на вы»...

Он отходил, томясь в пути.
Эх, кабы силы обрести!
Отучил бы бедами,
как Литву со шведами
и татар на Русь идти.

Виделось князю: у реки
строятся русские полки.

И все то свершилося,
поле вдаль стелилося,
разлетались кулики...

В рясе монаха, среди треб,
к миру сему глух и слеп,
к Богу в высь заветную
шел он. Душу светлую
приняли Борис и Глеб...

Северная звезда

Придет она...

Я верю, что взойдет...

А ныне «SOS»

во всех снастях,

а рея,

скрипя, желает

рвать людские шеи.

Подначивает ветер:

- Чей черед?..

И южные широты

гонят лед.

Но где-то за экватором

взойдет

звезда моя

и, может быть,

спасет.

На широте Австралии

застыл.

А Южный крест

вновь виснет

злым пророком,

и точно смерть

вперилась

лунным оком.

И я, молясь,

себя перекрестил.

И фок натянут.
Такелаж - струна.
Ну где же
долгожданная она,
желанная она
из всех светил?

Вот Скорпион,
явившись, удивил,
поистине -
загадочная шельма.
На реях сплошь
огни святого Эльма.
Сам сатана
игриво пошутил,
как рассмеялся:
- Сгинешь в никуда!..
Но вот она,
Полярная звезда,
явилась.
Я спасенье ощутил.

Холодная звезда...
Я сам остыл.
Меня луна
студила
выше меры.
У реи роем
прежние химеры,
но не висит никто.
Лишь блеск светил...

Маета

Вот с ночи спадает

метели фата.

В окошке светает,

меня ожидает

моя маета.

Маета. Маета. Маета.

Тоской обметала

зима мне уста.

Звенит над кварталом

цепями скандалов

моя маета.

Маета. Маета. Маета.

Корявые скверы.

Суставы моста.

А душу без меры

(да что ж ты, холера)

гнетет маета.

Маета. Маета. Маета.

Дойду до весны я,

ворвусь с криком рта.

В чащобы лесные

и в травы степные

падет маета.

Маета. Маета. Маета.

Бреду-пригибаюсь
под гнетом креста.
Несу-спотыкаюсь
под тяжестью маюсь
твоей, маета.
Маета. Маета. Маета.

Урок

Е. Зырянову

Я в жизни своей видел асов...
И ты, Вась, грустишь без причин...
Ты верь мне. Я - Виктор Некрасов.
А ты только Васька Шукшин.
Ты что напридумал такого,
чтоб мимо меня просквозить?
Куда ты пошел? К Полевому?
К Твардовскому надо ходить!

Вась, ну-ка, дай мне две копейки...
- Саш, здравствуй! Некрасов звонит.
Тут снова... Короче: из лейки
пиит один... Славно пиит...
Не смейся. Поржешь над страницей.
Лет десять еще не пройдет,
читая его, Солженицын
всплакнет. Знаю точно, всплакнет.

- Василий, я дело уладил.
Вот деньги. Грамм сто мне возьми.
Пока полистаю тетради,
Поди походи меж людьми.
Гы славный писатель. Пи-са-тель.
Но норов-то прям-таки прет!..
Я, Вася, твой доброжелатель.
Иди, Вася! Трифоныч ждет.

Я пьяный, конечно, Василий.
А быть как? И долг, и долги...
Когда, Вася, будешь при силе,
и ты молодым помоги.
Меня за кордон жизнь загонит...
И счастлива будет вдова...
Боюсь, Вась, меня похоронят
На Сен Женевьев Дюбуа.

Что это г
Представь,
Вась, каштаны...
Ох, там заведут еще спор!
Поручики, штабс-капитаны,
Советский запаса майор...
Я в жизни своей видел асов,
и ты, Вась, грустишь без причин.
Я все ж-таки Витька Некрасов,
а ты, ты - Василий Шукшин!

Завещание казака

Я и у Бога и убог,
и к Богу устаю проситься.
Ты сбереги кинжал, сынок.
Быть может, внукам пригодится.

Мне князь великий Михаил
его вручил. Ты глянь камня.
Один я с той поры дожил,
прошел сквозь годы и лишения.

Мне, сына, нынче на покой.
Мне, сына, нынче дюже лихо.
Я же в дивизии дикой
еще устал когда-то дико.

Кресты мне в гроб не положи.
Погоны в память сберегите,
и с братом за помин души
вина, мной жатого, глыните.

А я свое отгулевал,
пошашковал в башках, как в тесте.
Сынок, в гроб положи кинжал,
нехай сгниет со мною вместе.

Марш

«Прости-прощай»

Не первый ты, а много раз,
шаг первый делая в пути,
твердили старый парафраз
из старых слов «прощай-прости».

И как всегда ударит гром,
и как всегда труба зовет.
Скажи: «Прости»! «Прощай», - потом,
слезу смахни и марш вперед!

Но если честно, дирижер
без прежней выправки стоит.
Минор уместней, чем мажор,
и мало кто тебя простит.

Шагай и на глумливый взгляд
тебе вослед не отвечай.
Ты прав, как прав всегда солдат.
Иное - вздор. Прости-прощай!

Ах, нам бы все по площадям,
под солнцем развевая флаг!..
Но мы уходим по дождям,
по лужам свой чеканя шаг.

Долой проклятую жару!
Прохладой, небо, угощай!
Дождь при прощании к добру.
Иное - вздор! Прости-прощай!

Шатуи

У берлоги намяли сугробы.
Я иссох. Нет слюны, сплюнуть чтобы.
Ох, не трогали б!
Ох, лучше б вы не дразнили!
Бить медведей да между сезонов -
никаких нет на это резонов.
Разбудили.

Пули градом и в грудь мне и в спину.
За что мстите так мне, за малину?
Стад не трогал.
Почто же собак напустили?
На все лапы кишки намотаю,
по сугробам их, сук, разметаю.
Разбудили.

Сторонись, дай уйти. Прощевайте.
Не стреляйте же вы, не стреляйте.
Да как больно. Да что ж вы?
Опять зарядили.
Кто не бросит ружья - покалечу.
Всех, кто дернется, всех перемечу.
Разбудили.

А теперь вам махать мало толку.
На медведя пошли, не на волка.
На вот в спину... А вам - по зубам...
Пошутили?

Не до шуток теперь, отшутилось.
Есть, видать, на тайге справедливость.
Разбудили.

И плевать мне, что спьяну и сдуру.
Шерсти клочья вам в пасть, а не шкуру.
Всех, кого не побил, - отпустил,
только б вы отпустили.
Пахнет новой весной. Снег ноздрится.
Мне б кедровой сейчас живицы.
Разбудили.

Мстить не стану, коль нынче не сгину.
Кровь на снег сыплет, точно малина.
Звери вы, ни за что - ни про что
в шатуна превратили.
Не упомянули из наследий
дедов сказ: «Не буди медведя».
Разбудили.

Я в это новолуние апреля
буквально изнываю от весны.
Сны мучают. Пошла уже неделя:
засну на полчаса - и сразу сны...

Пишу, читаю и от снов спасаю
сознание, но его грызут они.
Кошмары не кошмары, я не знаю,
но точно: «Сон мне, желтые огни...»

Прекрасных женщин образы тиранят.
Война. Борьба. Какие-то дома.
Господь предупреждает? Черт ли тянет
рассудок прочь из вялого ума?..

У весны есть горюшко горькое.
Пусть весна всегда жизнестойкая,
но она знакома с метелями -
вот она и плачет капелями.

А по лужам прыгают зайчики,
солнечные скачут раздрайчики.
И ревет весна, как растратчица -
плачется ей, ой, как ей плачется!

Слез ее ручьи с горки катятся.
Почему-то мне тоже плачется.
Плачется светло, как-то искренне,
как при встрече плачется с близкими.

Будет лето, осень наметится,
через зиму всем нам не встретиться.
И весна, от вечности млеючи,
плачет, нас, невечных, жалеючи.

* * *

Весна,
но нет любви.
Звонят
не мне приветом капли с крыши.
Слова
не бьются, не журчат.
Слова заводятся, как мыши.
Увы, и в лето не зовут,
весенней наполняясь влагой,
мне душу серые грызут
и точат лист к листу бумагу.

* * *

Прошу ни пламени,
ни яркого горенья.
Уже горел-пылал,
как многим не дано,
И переменный ток любовного горенья
терзал мне душу с бранным телом заодно.

Тепла - и только...
Пусть хоть тленья -
я согласен,
но пусть минует нас влечения напасть.
Уж я-то знаю, как я страшен и опасен,
вдохнув всей грудью обжигающую страсть.

Меня качало
от скандала до скандала.
Зверел без повода,
по поводу шалел.
Когда б ты, милая, угрозу понимала!
Когда б постигла, как тебя я пожалел.

Я не хочу теперь
жить с легкостью повесы.
Я сторонюсь и не ищу горенья те.
Пусть все большее
бьют мне в ребра нынче бесы,
но седины все больше
в черной бороде.

Женщина и юноша

Немало слез в полночном мире
лилось всегда.

Здесь, в однокомнатной квартире,
сама беда...

А у двоих нет сил расстаться.
И впору выггь.

Ей двадцать шесть. Ему семнадцать.
Вдвоем не быть.

Ах, как бы просто слово злое
не в глаз, так в бровь...

Да вот беда - у них другое...
Увы, любовь.

- О, мальчик мой, - и молит взглядом.
Оставь, - твердит.

На прикроватной тумбе, рядом
беда сидит.

Она горит, а он как бредит.
А за стеной

опять ругаются соседи
в волне хмельной.

Будь проклят ты, подъездный топот,
вся суета!..

Горит свеча, пылает шепот.
Слез духота...

Они расстались. Вышла вскоре
разлука им.
Беда ушла. Осталось горе:
одно - двоим...
Разлуки, встречи позже были,
но никогда
других они так не любили.
Ну вот и все...

* * *

Не спрашивай. Себя понять
и сам я не могу.

Боюсь, что стану объяснять,
устану - и солгу.

Июльский дождик

Июльский дождик осторожен
всем ливням, всем дождям в укор
идет. А лес не потревожен,
и птичий слышен разговор.

Покой царит в его движениях,
характер спрятан до поры.
Дождинки, шелестя в паденьи,
не студят марево жары.

Здесь не осенняя тревога,
не суетливость от весны.
Нет луж унылых на дорогах,
и сладок сон чащоб лесных.

Смывает пыль с чертополоха,
едва-едва качнув цветы.
На сердце грустно, но не плохо.
Нет слез давящей духоты...

Всем нужен дождь такой, без смуты,
чтобы душа покой брала,
как в те короткие минуты,
когда вздохнешь - и за дела...

1983

Чайка

Чайка
над речкой таежной
вдали от ближайшего
синего моря
металась,
кричала тревожно
простуженным голосом
боли и горя.

Но струился вечер из тиши небесной,
ниспадал покоем, чуть листвою шуршал.
И сливались губы в неге бессловесной,
и костер срывался и опять взлетал.

Было.
А что это было?
Быть может, ты снилась?
Ты снилась - и только?
Как чашу
лицо подносил я.
Без свадьбы
пил терпкое
«горько».

И склонялись звезды, и живой метелью
падали на угли хлопья мошкары.
И стелился вечер хладною постелью,
и касался нежно чутких губ жары.

Тихо.

О, как было тихо.

Нам вдруг не сжимали,

как прежде, запястья

мое неумное лихо,

твое заревое злосчастье.

Просыпались птицы. От песка речного
золотой оттенок перешел к волнам.

И смирало утро пыл костра ночного,
молчаливо чайка подлетала к нам.

Сибирское лето

Еще не оплакано лето дождями,
и вряд ли приемлема осени грусть,
но осени призрак бредет между нами.
А может, искать я его тороплюсь.

Еще редко хмурится высь небосвода,
и спешно под ежик пострижен покос,
но роща, как модницы в прошлые годы,
окрасила в желтое прядь из волос.

Туманы в болотах на время уснули,
их солнце собою не раз обожгло.
Я чувствую осень в сгорании июля.
Еще будет август, но лето прошло.

* * *

Мне воздух осенний - подобье вина.
Пьянею. И так же влюблен.
А в доме у нас улеглась тишина
до лучших времен.
До лучших времен.

Все плачут и плачут косые дожди,
печалью весь мир наважден.
И мало счастливых минут впереди
до лучших времен.
До лучших времен.

И осенью нынче оплаканы мы,
все листья отдал ветру клен.
Заснуть и проспать бы под снегом зимы
до лучших времен.
До лучших времен.

Ах, эти диалоги в ресторане!

В них не предскажешь ничего заранее...

От поцелуев повар вновь краснеет.

Клиентка в кухне вот уж пять минут:

- Ах, Леша, с вашей кухни все балдеют.

- Вам нравится?

- Сам видишь, сколько жрут!

- Официант, ты что имеешь против?

- Садись и пей, раз старшие велят!

- Да нет, я не могу, я на работе...

- А я так вообще Думы депутат!

Вот женщина с походкою неплавной

идет за музыкантом, мямлит вслед:

- Скажите, кто по музыке здесь главный?

- Я. Что хотели?

- Где здесь туалет?

Российской жизни плоскость, ребра, грани,

пустые диалоги в ресторане.

* * *

О. Шкабардину

Ты не грусти, товарищ мой.
Нам зябко, да не голодно.
Как птицам холодно зимой,
как птицам холодно!

По три беды на два крыла
и тридцать три несчастья.
И нет тепла, и нет тепла
над бездной безучастия.

Я море видел вдалеке,
в реке сгубил мечту свою.
Я, не летая налегке,
о юге и не думаю.

Мы здесь родились и умрем,
ветра хлебая солоно.
Два коршуна над пустырем.
Как птицам холодно!..

В гостях у мафии - 90

Я сижу с толпою пьяной.
Аки рыба быюсь в сетях.
Я работаю «цыганом».
Я у мафии в гостях.
Два директора и матом
их покрывший прокурор.
Есть завмаг и два завскладом,
и один в законе вор.

Пой, играй, гитара, что на душу ляжет.
Что еще там дальше будет, только жизнь и скажет.

К нам в предбанник завалился
опоздавший бюрократ.

Галстук снял и *извинился*:

мол, дела... Не виноват.

Вор сказал:

- Иди попарься.

Спел завмаг:

- Кто к нам пришел!

Прокурор сказал:

- Не скалься... -

и добавил:

- Цыц, козел!

Пой, играй, гитара, что на душу ляжет.

Что еще там дальше будет, только жизнь и скажет.

«Зорьку» спели. «Мурку» спели
и «Гоп-стоп», и «Ай-люли».

Не на шутку захмелели.

Речи пьяные вели:

- Уважаешь?

- Уважаю!

Каждый с каждым дружно пил.

Лишь юрист:

- Пересажая! -

пьяным голосом вопил.

Пой, играй, гитара, что на душу ляжет.

Что еще там дальше будет, только жизнь и скажет.

Прокурора уложили.

Тот заснул, вздохнув легко.

По одной еще налили.

Осушили за него.

Бюрократ сказал:

- Устал он...

Вор залил стакан. Кивнул.

- Отдыхаем нынче мало! -

вслед друзьям завмаг ввернул.

Пой, играй, гитара, что на душу ляжет.

Что еще там дальше будет, только жизнь и скажет.

Вот и слезы навернулись.

- Жизнь на что?! - кричал завсклад.

Бюрократ с воругой ткнулись

мне в гитару, как в салат.

Пил директор и тоскливо

на коллегу посмотрел

и сказал мне:

-Ты счастливый!

Я сказал, что он сдурел.

Пой, играй, гитара, что на душу ляжет.

Что еще там дальше будет, только жизнь и скажет.

Я не знаю, что и лучше.

Раньше жизнь ли? Нынче жизнь?

Раньше всех валили в кучи,
нынче в стаи собрались.

Я сижу с толпою пьяной.

Аки рыба бьюсь в сетях.

Я работаю «цыганом».

Я у мафии в гостях.

* * *

Нам с другом говорят:

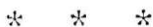
- Кончайте пить!

Мы не звереем,
но не станем и шутить.

И лишь два слова
можно выслушать от нас:
- Ага... Сейчас...

Нам тут сказал один:
- Вам женщин не видать!
Пить и хм-хм... нельзя
ни путать, ни мешать.

И подливает,
чтоб отбить желанье в нас.
Ага... Сейчас...

Я сказал бандитам, кто они,
а они в ответ, кто я, сердито.
Вот Сибирь. Бандиты. Наши дни.
Вот гитара. Песня. И бандиты...

А поэт по-своему бандит.
Так мне и сказали:
- Не ментяра.
Я порой к тому же так сердит,
что ношу, как автомат, гитару.

С детства я с блатными был знаком.
Повезло, что дурью не задели.
Жить сложнее, но лучше мужиком.
И они б, наверно, так хотели.

Пой, гитара, бабонька моя,
песен кружева, как будто пальца,
вяжут вновь мозолистые пальцы,
связывают строки и слова.

И к чему, братишки, все сведем?
К правде, я не фрайер из рекламы.
Мама, ты роди обратно, мама,
может быть, по-новой жизнь начнем.

По крови дурной и удалой
братья - кто осудит нас за это?
Четверо накачанных поэтов
и бандит с гитарой под полой.

В гостях у мамы - 95

Теперь как прежде
не споешь всерьез про мафию.
Споешь как есть -
и станет песня эпитафией.
И все, что я от песни прежней
к новой выносил -
все это вымысел.
Художественный вымысел.

Я измышляю санаторий...
Сосны с воздухом.
Бассейн, камин
и мы - поем для них без роздыху.
Кордебалет для них
бросает пятки к головам.
И все за доллары...
Заказчик с этим норовом.

Сама компания крута.
Телохранители
к своим стволам
в длину добавили глушители.
И русским веником несет
из финской сауны.
И двое-трое из гостей
на лица дауны.

Гость иностранный,
очень тучной конституции,
солистку просит
подработать проституцией.
Она под метра два,
но кажется не щепкою,
а он едва-едва
сам будет метр
с кепкою.

А референт его
с шикарной рыжей гривой
кордебалетчице шипит:
- Отдайся, милая.
Перемежает, как плюет,
кокетство с шуткою:
- Колготки пусть порвет,
зато проснешься с шубкою...

За стол зовут.
Иду. Присел. За плечи трогают.
А танцовщица рядом
эта длинноногая.
Но это вымысел.
Я вымысел цитирую.
Двух депутатов за столом
легко фиксирую...

Я узнаю опять
веселого директора,
еще усталого,
унылого проректора.
Перемигнулись с тем,
кто из опасных органов.
Теперь совсем не пьет -
ослаб известным органом.

Теперь в бассейн.
Разделись. Брюха бегемотные.
Кордебалет глядит на них.
Эффект - как рвотное...
А референтка суется -
глазки быстрые.
Все музыканты, как назло,
ох, мускулистые.

- Домой, ребята!..
А потом - многоэтажное...
Душа зеленая от долларов,
бумажная.
Телохранители,
уставшие подглядывать,
на нас трусы
силком стараются
натягивать.

А танцовщица вдруг
ко мне так нежно клонится
и говорит:
- Ты поезжай, им не обломится...
Запоминаю телефон,
и мы прощаемся.
А вот с коллегами легко
не получается.

Обидно? Как кому.
Я вовсе не обиделся.
Друзья обиделись,
а я с ней позже виделся.

Но друг наш, Димка-пианист,
обиду выместил.

В бассейн пописал.
Впрочем, это тоже вымысел.

Теперь, как прежде,
не споешь всерьез про мафию.
Споешь как есть -
и станет песня эпитафией.
И все, что я от песни прежней
к новой выносил -
все это вымысел.
Художественный вымысел.

* * *

Когда по жизни вы пошли,
с непрухой споря,
когда шагаете
невзгодам вопреки,
не пейте с горя, мужики,
не пейте с горя,
не пейте с горя, мужики!

Весь мир вино пьет,
точно споря с нашей соткой,
всегда от радости
бокал вослед вчера...
Не пейте с горя, мужики.
Мы с нашей водкой
всегда сорвемся
на атаку и «ура».

Самосуд

Ночь пили мужики.
Стучала в окна вьюга.
Ночь пили мужики
от горя и беды.
Три дня тому назад
у них убили друга.
А за окном февраль
замел убийц следы.

Кто первым произнес,
теперь уже неважно.
Я не к тому, чтоб ныть
и истину скрывать...
Один сказал:
- Устал...
Другой признался:
- Страшно...
А третий старше был.
Он так сказал:
- Стрелять!..

Профессия мента - «крута»...
Да в ней «не круто»...
Но были трое, те,
в профессии «круты»...
Ночь пили мужики,
и призрак самосуда
под утро приобрел
реальные черты.

Что «выстрел на заказ»,
им сразу было ясно.
И не о том шла речь,
чтоб киллера поймать.
Один сказал:
- Их всех...
Другой сказал:
- Опасно.
Молчали.
А потом
все трое вдруг:
- Стрелять!!!

И было «сорок дней»,
и, как тогда, у гроба
за масками они
своих не скрыли лиц.
Ночь пили мужики,
а где-то из сугробов
вытапливал апрель
стрелявших в них убийц.

И капало вино
не раз, не два на скатерть.
И капала капель
у форточки сквозь дым.
Как будто в этот раз,
рыдая, Богоматерь
просила у Христа
прощенья всем троим.

Усталою вдовой
накрыт стол поминальный.
И поздно, и детей
никак ей не унять.

Спросила:

- Как дела?..

Ответили:

- Нормально...

Спросила:

- Как же жить?..

Ночь пили мужики...

Осень

Ты вновь хотела незамеченной
прийти, сокрывшись суетой,
но рощи пряди обесцвечены
осенней кистью золотой.

Осень, осень.
Прозрачней лес день ото дня.
Осень, осень.
Ты выручай, спасай меня.

Я ждал тебя. Я слушал вкрадчивый
твой шепот августовским днем.
Коснись прохладой ненавязчивой
лба, истомленного огнем.

Осень, осень.
Прозрачней лес день ото дня.
Осень, осень.
Ты выручай, спасай меня.

Твоею близостью волнуемый,
усталость выроню в траву
и под твоими поцелуями
опять душою оживу. .

Осень, осень.
Прозрачней лес день ото дня.
Осень, осень.
Ты выручай, спасай меня.

Дождливый сентябрь

Отступись ты, природа, и сжался,
обуздай злой характер ветров.
Не кружились в мелодии вальса
листья нынешних желтых лесов.

Не звучали в душе звуки скрипки,
от ветров и дождей лист опал.
Лета бабьего грустной улыбки
за сентябрь так никто и не знал.

Я желал красоты и покоя,
чтобы силы былые вернуть,
но манила из летнего зноя
осень - с целью одной: обмануть.

Этот месяц всех прошлых не лучше,
за дождями укрыта краса.
Звезды падают в серые тучи,
не являясь совсем на глаза.

Моноotonно и зло, как жестянка, -
ни мелодий, ни образов в нем -
мой сентябрь, как консервная банка,
прогремел, пробренчал день за днем.

1983

Осенние стихи

Ко мне явилось мастерство
слагать стихи, играя чувством.
Но тем дороже естество,
не оскверненное искусством.

Как, воспарив поверх голов,
не достигаем Образ Божий,
так осень выше всяких слов
и всяких строк о ней дороже.

Стихи сплавляю по реке.
Рву, чтоб гордыня не загрызла.
В любом березовом листке,
плывущем вдаль, не меньше смысла.

Вступлю покорно под снега,
не огрызнусь стихотвореньем.
В весне нам дерзость дорога,
а осень благостна смиреньем.

Пусть мусор слов река снесет,
зима перешагнет ненастье,
пусть вмерзнут в океанский лед
меня не красящие страсти.

1983

Томский вальс

Памяти В.Лавриненко

Вновь сентябрь из тайги
величаво пришел
сильным лосем.
Грудью ветви раздвинул
и солнце принес на рогах.
В Томске осень опять.
В Томске осень опять.
В Томске осень.
И пристыженно
прячется лето
в глазах и в стогах.

Здравствуй, Лагерный сад!
Здравствуй, Томь!
Здравствуй, оползень!
Здравствуй!
Монумент за моею спиной.
Панибратство, прощай...
Раз пришла осень в Томск,
властвуй в нем,
безраздельно в нем
царствуй.
И к реке
с поцелуями,
берег влюбленный,
сползай.

Почему-то вновь вальс
кружит листья
и медные трубы...
Пусть огонь и вода...
Почему-то огонь и вода.
И коснулись виска
томской осени
нежные губы.
В Томске осень,
и значит, я снова
дышу и живу.

Что-то мне захотелось
с обрыва себя
в листья бросить,
прошуршать и забыться,
и больше уже
не вставать.
В Томске осень опять.
В Томске осень опять.
В Томске осень.
Мы исчезнем - она
будет снова
опять и опять.

Баллада о седьмой струне

Ополченья лежит
несуразная рота.
С музыкантами этими
прямо беда.
Воронья разжиревшего
черные ноты
нотным станом на запад
несут провода.
Три атаки за утро.
Село удержали.
Ленинградская «конса»,
студентов твоих
в снег и в землю за час
танки с ревом втоптали.
Так пойдет - и под вечер
не будет живых.

Как фантомная боль,
так седьмая струна
на моей шестиструнке
болит, не проходит.
Мне седьмую струну
оборвала война.
И болит, а рука не находит.

Артналет.
И опять
танков грязные рыла.
Сатанинский оркестр
с лязгом злобным ревет.
Вокалистов
еще при обстреле добило.
Теоретик последний
под танки ползет.
А профессор морщинистый,
требуя кары,
руки к небу, рыдая,
вознес над собой.
Сорок шесть музыкантов
по классу гитары...
Сорок шесть «семиструнников»
только за бой...

Как фантомная боль,
так седьмая струна
на моей шестиструнке
болит, не проходит.
Мне седьмую струну
оборвала война.
И болит, а рука не находит.

* * *

Бывает пляска вся вразлет.
И плещется и ранит.
Такая пляска бьет и жжет,
как горькое рыданье.

И мне сегодня не с руки
плясать и петь в весельи.
Пусть отлетают каблуки,
как горькое похмелье.

Ах, мне бы веры и тепла!
Ах, мне бы только силы!
Стучу дробушками со зла,
а думаю о милой.

Она добила, довела
до белого каленья.
И почему она мила,
когда бьюсь в иступленьи!

В колени, по плечам хлопки.
Пусть черти отлетают.
Пусть видят даже дураки,
как умные рыдают.

В падучей вроде бы не бьюсь.
Шучу и улыбаюсь.
Пройдусь вприсядку. Рассмеюсь.
Над горем насмехаюсь!

Давай-давай и так, и сяк
по кругу злым и гордым,
ладонью шлепнув о косяк
да кулаком по мордам...

Вот так смеюсь и не прошу
любви и сострадания.
Я просто странно так пляшу
в тональности рыдания...

* * *

Никитичу

Горит тайга, гудит тайга.
Огонь в округе хороводит.
И вот поселок Катайга
навстречу пламени выходит.
И у реки за метров сто
все люди обмерли сердцами:
спасает рябчик дом-гнездо
с пятью кричащими птенцами...

Тайга горит - не степь горит,
пылают сосны вековые.
Буран пылающий летит
на крыльях огненной стихии.
А бедный рябчик, как чирок,
с разлету - в речку. За ударом,
воздушный ухватив поток,
спешит, как проклятый, к пожару...

Пусть с крыльев капает вода,
но свой полет вершит отвага.
И с крыльев в теплый круг гнезда
летит спасающая влага.
И так еще, и так опять,
без счета, без числа, без края
спасает чад питающих мать,
сама от искр чуть не сгорая.

Пусть кто-то спросит:

- Что потом?

Дождь неожиданный без хмари.

Живое дерево с гнездом

и люди, черные от гари.

То не легенда, не молва,

иначе сердце бы не ныло,

пусты все кажутся слова.

Скажу лишь:

- Так оно и было...

* * *

Очень известному певцу

Конечно, за «базар» я свой в ответе.
К тому же говорить я не горазд...
- Нет зрелища печальнее на свете,
чем старый и поющий педераст...

* * *

Еще один
десяток лет
я пригубил.
Весы качнулись
ниже грани
(или-или)...
И вспоминаются
не те, кого любил,
а те мне дороги,
которые любили.

Маме

С горки лет моих саночки
в детстве мчат, а я кубарем...
Мамочка, моя мамочка,
грубый я. Слишком грубый я.

Я грубел, безотцовщина.
Как иначе на улице,
где братва с поножовщиной
у заборов сутулится?

Помню все. С расстояния
мне видней твои хлопоты.
Сплю, а ты за вязанием
счастья мне просишь шепотом.

Впору биться и каяться -
возраст жмет с неизбежностью.
Саночки в детстве катятся.
Выпал я с поздней нежностью.

С горки лет моих саночки
в детстве мчат, а я кубарем...
Мамочка, моя мамочка,
грубый я. Слишком грубый я.

Солдату Н. Асадчему

Гарь прохаркали и полезли танки полем,
и с лязгом траки разрывают в клочья рань.

Ты справедливо, захандрил, Асадчий Коля.
С калибром вашим против танков - дело дрянь...
Не дальнобойным пушкам бить прямой наводкой,
но приказали и, пехотой не прикрыв...
Уже комбат хрипит в кровь сорванною глоткой:
- К прицелу, Коля! Наводи, ты будешь жив.

А то, что бьют по вам, - терпи. Знай, будет хуже.
Но ты расплатишься, придет и твой черед.
Не чем-нибудь отплатишь - залпами «катюши»
за этот бой, за сорок первый горький год.

Ты будешь месяц с лишним скован немотою,
но то, что будет, даже мысленно не тронь.
Знакомь их с русскою немеряной верстою,
вставляй фугасный, бегло целься и - «огонь».

Ползи, ровесник мой, землюцу обнимая. -
она спасет тебя, на то она и мать.

Ты знай, что будет день в таком далеком мае,
и будет время вспоминать и поминать.
И будет гладить внук простреленную руку,
и будет чтить тебя немалая семья.

Пошлет еще тебе Господь детей и внуков.
Уж я-то знаю...

- Деда, это знаю я...

* * *

Где-то за осенними дождями,
за почти что сброшенной листвой,
среди полей, изрезанных ручьями,
ждет меня так долго дом родной.

И сейчас, когда ветра с размаху
брызгами бросаются в стекло,
на груди готов рвануть рубаху.
Что же так сегодня тяжело?

Знаю, со стола смахнув пылинку,
как все дни, а их не сосчитать,
молока объемистую крынку
для меня на стол поставит мать.

Плохо от того, что я невольно
и в желаньях маму обкраду.
Плохо, нестерпимо мне и больно:
я не скоро к ней опять приду.

Свет потухнет в доме. Печка красным
из щелей прочертит по стене.
Но тепло забытое напрасным
облаком потянется ко мне.

Дрожь идет. От падающих капель
и листва и сердце - все дрожит.
Бьет октябрь больной и резкий кашель,
грудь тоской простуженно болит.

Я прошу, прошу: времен получше
ты мне день, судьба, из года дай,
чтоб сверчков всю ночь до солнца слушать,
чтоб проснуться от «Сынок, вставай».

1983

Страстная неделя

Три первых дня
перебирать не буду.

Молчи, душа,
скорби, страдай,
молчи.

Четверг.

Вечеря.

Поцелуй Иуды
и бдение
в расхристанной
ночи.

Господь мой,
содрогаясь от печали,
до ужаса
боюсь в себе вранья
я восклицаю:
- Господи, не я ли?
Глаголет Он...
Как славно, что не я...

И в пятницу
невольню ошибешься,
в соблазн впадешь,
спасаясь от греха.
А Он глаголет:

- Трижды отречешься
до третьего
призыва петуха.

И от пришедшей
стражи защищаясь,
лишь тешу
подступающую тьму.
Меч поднимая,
трижды отрекаюсь,
казалось бы, душой
служа Ему!

Но плача и скорбя
в стихе и в песне,
целую освященный
жизнью крест,
крещусь и говорю:
- Христос воскрес!
Воистину,
воистину воскрес!

* * *

Поэзию считаю за несчастье,
проклятием порой готов считать.
Наверное, сомнительные страсти
сумел когда-то сдуру оседлать.

Все те же темы в лирике мурыжа,
поэты как взбивают муть со дна.
И так выходит: лирика бесстыжа,
слезлива и в конце концов больна.

Мая- Вера

Отказаться
и не пойти
я не мог.
Работа чертова...
Ох, сомнительна!
Сауна...
«Девочек» заказали...
Помилуй, Бог!
Для всех,
со мной включительно...

Где только черти
меня не мотают.
Чаще с гитарой.
Реже - без...
И из-за ширмы
невинной, бывает,
лукавую рожу
состроит бес.

Входят,
прелести чуть тая.
Я понимаю,
рассудок тираня,
что это,
светловолосая,
вероятно, моя.
Точно.

Знакомимся...

- Таня.

- Отдохни, Таня.

Если хочешь,

поспи.

Рассвет наглей,

чем я,

и более близко.

Не понимаешь,

о чем я?

Объясню.

Потерпи.

Я тоже, Таня,

из группы риска.

Я тоже

почти на работе.

У всех - своя.

Я, признаться,

тебя понимаю.

Короче:

не на работе я,

но здесь, Таня,

не отдыхаю.

Кто я?

Действительно,

кто?

Музыкант.

Артист.

Скажем круче:

поэт...

Мало?

Вот был бы я,

Танечка,
журналист,
я бы познакомился
с «материалом»...

В парилке один,
как правда, голый.
Только кому здесь
эта правда нужна?
Еще почему-то
не в меру веселый.
Видела бы меня
жена!

Но я разведен,
и в сторону шутки.
Не врать же себе
в строе прочих врак.
Я не могу
к проститутке
относиться
как к проститутке.
Смотрю
как на женщину.
Словом, дурак...

Массаж, Танюша,
было бы классно,
но ты
такая же Таня,
как я - Андрей.
Хочешь выпить? -
Смеется:
- Хочу.

- Прекрасно.
- За знакомство,
что ли? -
Смеемся с ней...

Будь она старше,
она б разозлилась
и, верно, ушла бы.
Нашла бы момент.
- Тань, я - импотент. -
Она веселилась:
- Ага, а то я
не видела их...

И Таня
по-детски
смешно чихала.
Потом, помогая
взмахом руки,
стихи свои
собственные
читала.
И, должен сказать,
неплохие стихи.

И было в ней
недалекое детство,
хоть грусть замечалась
то там, то тут,
но наконец
проступало кокетство
сквозь хищный стриптиз
самых первых минут.

И простынь,
спадавшая то и дело,

уже поправлялась ей
в тот же момент.
Меня волновало
теперь ее тело.
И я для нее
был совсем
не клиент.

Должно
было быть
то, чего не случилось.
Упрямый рассвет
ночь как к стенке
припер.
За дверью возня.
Смех.
Она вдруг смутилась.
За ними за всеми
пришел сутенер.

Она одевалась.
Ее уже ждали.
Смотрел на нее
и курил, и молчал.
Под грудью синяк,
на лодыжке -
хватали.
Ей было неловко,
что я замечал.

И ночи июльской
хмельная химера
растаяла.
Солнце
в окошке встречай.

- Сереж, я - не Таня.
Зовут меня Вера.
- Будь счастлива, Вера.
- И ты будь. Прощай.
Я ехал к себе -
Злобный, хмурый
мужчина.
И сам себя матом,
как мог, поливал.
И чувствовал я себя
мерзкой скотиной,
как будто бы в душу
кому наплевал.

Я что-то опасное
сделал для Веры.
Иначе зачем же
не Таней зову?
Еще мне ее
было жалко без меры.
И больно от скотства,
в котором живу.

* * *

Уютом позднего такси
опять согретый,
молчу,
усталой головой
клонясь к окну.
Поставь, водитель,
с тишиною
мне кассету.
Давай, послушаем,
дружище, тишину.

Я разной музыкой
измучен и изранен.
Я всех готов просить:
- Молчи! Молчи! Молчи!
Я целый вечер пел
сегодня в ресторане
с гитарой, точно черт
с лопатой у печи.

Как тишина звучит!
Один мотор рокочет,
и только встречные такси
приносят шум.
Полночный город
только голову морочит
и прогоняет перегар
тяжелых дум.

Провинциальный экспромт

О чем экспромт?
О том, что так гнетет.
Вот так вот сразу,
выхватив из вала.
Пишу: вам не до нас,
кто там живет, -
по западную сторону
Урала.

Я связан генетическим пра-пра,
как прадед, старой Русью зачарован.
Но мне признать безрадостно пора:
в Сибири я, конечно, обворован.

И в памяти как не было, так нет
столь нужных вспышек.
Вместо них - пустоты.
В Большой театр продан мой билет,
и в зале на Таганке тоже кто-то.

И злишься от подачек-мелочей,
и, злобно глядя, угрожаешь даже.
Ревную к Третьяковке москвичей,
ревную ленинградцев к Эрмитажу.

1983

Самознирания

Когда терзают помыслы благие
и думы буйны, дерзки, не тихи,
откупори бутылку «Ностальгии»
и перечти Максимова стихи.

* * *

Я пропил эту осень.
Я в карты ее проиграл.
Я неясно на что обменял
сердцу милую осень.
Мне прохладой октябрь
мой пожар и азарт
не унял.
Я в костер сентября
свою буйную
молодость бросил.

Пусть сгорит в огне
неуемный, неумный порыв.
Пусть бикфордовым шнуром
дымит из любой подворотни.
Я мечтаю о снеге.
Зимы белый жажду взрыв.
И пусть множит пурга
триллионы снежинок
на сотни.

Я войду в эту зиму
с весенней зачем-то душой.
Новый год, как швейцар,
дверь откроет
в алмазной ливрее.
Я пройду посетителем
белый загадочный зал
и потом у камина весны
свою душу согрею.

А пока лишь похмелье
и сырость семейных
невзгод,
и полночные вальсы листвы
над асфальтом внахлестку.
И еще от рожденья
один неприкаянный год
в этот раз бьет
наотмашь в лицо
неожиданно жестко.

* * *

Защитника попоек рьяного
мне роль пришлось теперь сменить.
Господь меня не любит пьяного...
Так что ж мне делать,
как не пить!

* * *

Ждал в переулке меня он в узком,
и говорит он, а я терплю:
- Коль ты талантлив и коль ты русский,
тебе иль спиться, или в петлю...

А он политик не без цинизма,
со стержнем жестким притом внутри,
глаголет дальше мне с оптимизмом:
- Ты не спивайся у нас, смотри.

У стенки стоя или на стуле,
тебе вернее. Пойми, чудака.
Смотри, не спейся, уж лучше пулю...
Не пей, Сережа, сгоришь за так.

- Кто эти бредни распространяет?

А он:

- Я знаю, как весь народ,
стихи кто пишет, - употребляет...
А если песни, то точно, жрет...

И мысль в сознании круг разрывает:
он мне веревку подать готов...
И если пуля меня завалит,
спасай Россию и бей жидов.

И все хватают. Злы и речисты.
То красный с белым, едрена мать,
то сионисты, то коммунисты,
то голубые. Куда бежать?

Саксофонист

*Памяти
Н.Кириллова*

Листья жгут.
Еле-еле
хватает дыхания.
Но играет,
играет
простуженно он.
Кофр в ногах.
Солнце режет
синь сумерек ранних.
Солнцу вторит закатно,
лучась, саксофон.

Музыкантов жаргон
и циничен и странен.
Называется «па'рнас»
игра на заказ.
Прямо скажем:
на улице и в ресторане -
мрак и тень,
что, сияя,
бросает Парнас.

Только что-то прохожий
маршрут свой исправил,
в кофр - купюру и рядом
задумчиво встал.

Исключением светлым
из сумрачных правил
музыкант обратил
тротуар в Малый зал.

Свой жаргон иногда
признаешь непристойным.
От присутствия смерти
слетит мишура.
Даже если не раз
и не два ты с покойным,
по жаргонному скажем,
«ходил на жмура».

На Плеханке
терзает баян забулдыга,
зазывает с наперстками
свежий десант.
Все обычно-привычно,
но вот закавыка,
не звучит саксофон
и пропал музыкант...

Процупка хулигана

Ни одной строки мной не было украдено,
но разбойничал и лиховал я все ж.
Молодым я был похож на Стеньку Разина,
а теперь на Пугачева стал похож.

Как разбойник я по Томску нынче шлындаю.
Вот наряд стоит - милиции привет.
А башка звенит холодной медной рындою:
- Не подскажите, где университет?

- Где-то там, - мне говорят волки позорные.
- Там, подальше, - говорят. - А вам какой?
- Да простой какой-нибудь. Где здесь уборная? -
И как с колоколом, маюсь я с башкой.

- Здрасьте, девушки. Вы издали приехали?
- Я-то местный. Проводить вас?
- Нет-нет-нет.
- Универ напротив, а другой проехали.
В Томске плюнешь - или вуз, или студент...

Хулиганю с максимально наглой мордою.
Мне от площади покажет сам Ильич,
как идти. И вот иду походкой твердою,
точно кот на кошкин недалекий клич.

- Здравствуй, милая! Да здравствуйте, товарищи!
Руки в гору!.. Валь, я с ними не знаком...

До свиданья, - говорю. Тварюга та еще...
Норовит достать вдогонку каблуком...

А теперь обратно. Чудо - география.
Географию мне не перешутить.
Вот и вывески горят, как эпитафии.
Нет, нас с городом так просто не убить!

И до друга тихой сапой снова шлепаю.
Говорит мне друг:
- Да ты, однако, пьян.
Я знакомой друга представляюсь Степою.
Друг-то знает, что зовусь я Емельян.

То ли бунт поднять, а то ли успокоиться?
То ли водку пить, а то ли подождать?
Дождь пошел - и мне и другу это нравится,
и знакомой друга тоже хорошо.

Вот идем мы с ней в обнимку, а милиция
опасается, в мою вникая прыть.
Пугачев зовет назвать ее царицею,
ну а Стенька может взять и утопить.

Рядом с озером идем, но понапраслину
я, как грех на душу, нынче не приму.
И потом я не похожий на Герасима,
и подружка, прямо скажем, не Му-Му...

* * *

Что за напасть?
Уже который год
мне говорят:
- Ты - черт и обормот.
Подозревают в том,
в чем невиновен.
Страдаю и борюсь,
как черный кот.
Мне это грустно,
больно и чудно.
Мне душу тянут
и в длину и вширь.
Как говорится,
немцы и кино...
Короче, Камасутра
и Сибирь...

* * *

Любовь моя - мне часто грусть.
Так множат скорби знания.
Да, резок я и груб, и пусть...
Я так боюсь признания.
Стыжусь с упрямой силою
в любви признаться я.
Ты - милая... Ты - милая... Ты - милая...

Все сложно, только дурь проста.
Я влюбчивость бью грубостью.
Как простота у воровства,
влюбленность в сестрах с глупостью.
Ах, эта ночь коварная!
Ах, неспроста в ней я !
Желанная... Желанная... Желанная...

Я так устроен - вот беда -
предвижу все лишения...
Желаю? Да. Мечтаю? Да.
Но «нет» мне как спасение.
Но думать не устану я,
твердить не перестану я:
Ты самая... Ты самая... Ты самая...

Он прозвучит, твой сладкий стон.
Даст Бог, спасет покров с небес.
Не выйдут чувства на поклон
под грусти тяжкий занавес.
А боль невыносимая.
Шепчу, страдая, я:
- Любимая... Любимая... Любимая...

Подражание А. Блоку

Девушки должны
выходить замуж,
становиться женщинами
и рожать детей.
Мадемуазель,
займитесь
своими прямыми
обязанностями.

Я просто
хорошо сохранился
внешне,
но уже лет двадцать
в парнях не хожу,
и мой старший сын
вас на год младше.

Ровесника!
Я всей душой
желаю Вам ровесника.
Непутевого,
как все ровесники,
но влюбленного,
а не циничного,
как я (потрепанный
и не влюбленный
стихотворец).

И, перебирая
сумму знаний,
впечатлений,
цитат,
должен Вам заметить,
что только
влюбленная девушка
имеет право
на звание
человека.
С чем я Вас
и себя
поздравляю...

* * *

Мне сегодня
приоткрылись в небо дверцы
и на сцене «прихватило» -
это факт.

У меня внутри
остался шрам на сердце.
Это микро - называется -
инфаркт.

На втором куплете
песня спотыкнулась.
А на сцене спотыкаться
нам нельзя.

Слава Богу,
эта рана затянулась.
Зализали рану
песнями друзья.

* * *

Я сторонюсь упрямо
твоего такого участия...
Любовница - не сливная яма
для чьих-то бед и несчастий.

* * *

У нас с тобой
нет страстных придыханий.
Объятий нет,
да что там говорить!
Мы наши сокровенные желанья
как будто сговорились хоронить.

Ау, безумство!
Где же вы, порывы?
Мы хиханьки да хаханьки...
Маразм...
Страстей таких
мы, верно, знали взрывы,
что наша тишь да гладь
нам как оргазм.

Я прямо воплощение практицизма...
- Нет кофе, чай без сахара - терпи.
И ты под стать, учтивая до цинизма:
- Вот деньги, ты шампанского купи.

- Ну нет!
Ты что, скучаешь по скандалу?
Черт, верно, заперхал у языка.
- Ну ладно, мне пора, я побежала.
Мы целоваться будем?
- Да -
- Пока...

Вот так.

Но все достаточно серьезно.

Не так, чтоб все порвать и все забыть,
когда для многих не пройдет бесслезно
такая связь, какая может быть.

* * *

Я буду очень знаменитым.
И не во сне, а наяву.
Я буду лаврами увитый...
Да вот, боюсь, не доживу.

Венки мне всучат вместо аур
и на поминки - жрать да пить.
Жена сошьет шикарный траур.
Прекрасный повод пофорсить...

Я смертью собственной обложен
(толкает в спину, давит грудь).
Вы слышали, что дышат кожей?
Мне страшно в этот раз вздохнуть.

Начнут жалеть меня рефреном.
Найдут и детские стишки
посмертно. Но какого хрена
при жизни вынули кишки?!

Нет сил, ребята! Припадаю
к столу, как грудью на плиту...
Как объяснить, что пропадаю?
Вдохну, паду и пропаду...

1992

* * *

Я оказался крепким -
сам не знал,
насколько хватит силы и запала.
Бессонница меня не доканала,
и быт как ни топтал - не растоптал.

И пьянства искаженные черты
на хмурый облик так и не повисли,
и только новый вскрик возникшей мысли
устало избегает высоты.

Что помогло?
Наверное, душа,
дыша любовью, согревала тело.
А тело что ни дай - всего хотело,
смысл здравый права голоса лиша.

Бог миловал.
Я пропасть миновал,
и зубья скал груди не допросились,
и бесы даже все перебесились.
Я сам устал,
но их я измотал.

Женщина и пистолет

Я ее целовал,
жаром губ холод
светлых волос беспокоя.
Ночь и осень,
и призрачный,
ветром качаемый
уличный свет.
И пробил вдруг озноб.
Под мою
горячей рукою
не плечо и не грудь -
вороненый стальной
пистолет.

Что еще
может выкинуть жизнь?
- Ты зачем
эту штуку таскаешь?
- Так случилось...
Привычка...
К тому же живу -
знаешь - первый этаж...
И профессия,
черт бы побрал...
Все прекрасно, сам знаешь.
Я действительно знал.

Знал не с лучших сторон
мир расхристанный наш.

Просто в боевиках,
где оружие - часть антуража.
В жизни, право, сложнее.
Прозаичней, конечно, страшной.
Да, она, понимаю,
конечно же, опер...
И опер со стажем.
И угроза и женственность
как-то в одно
перепутались в ней.

А в усталой башке
непонятное что-то вертелось.
Черт тянул за язык.
Я дурашливо «Мурку» запел.
Мы смеялись и шли.
Целоваться уже не хотелось.
Прежде я пистолет
отобрать у нее бы хотел.

За окном снег пошел.
Вот троллейбус прошел
с лязгом ранним.
И по первому снегу шурша,
с утром день новый шел.
На плече моем светлые волосы
с чистым дыханьем,
а в углу под столом
с плечевой кобурой
мной разряженный
«ствол»...

Песенка про пальчик в ботинке

Чего вы раскричались, а?
Не надо возражать.
Все испереживались,
а что переживать?

Вот я всегда покаюсь я
и никого не злю.

Все на меня ругаются -
я пальцем шевелю...

Такое шевеление
ужасно мне с руки.
В порядке возражения
я шлю всем матерки.

И про себя умело я
в любую даль пошлю,
а в слух скажу:

- Я сделаю.

И пальцем шевелю.

Еще когда был мальчиком,
я спорить не любил
и постоянно пальчиком
в ботинке шевелил.

- Учителка, не прогоняй,
прости, я искуплю...
А про себя:
- Давай-давай...
И пальцем шевелю...

Промчались годы школьные,
я паспорт стер до дыр,
и за замашки вольные
ругает бригадир.

- Так точно, есть, -
не шепотом.
И он мне вслух:
- Хвалю.
Я про себя:
- Пошел-ка ты...
И пальцем шевелю...

И ты кончай меня учить -
так многие живут.
Начнешь мозгами шевелить,
так пальцы отшибут...

Хоть кем меня зови. Зараз
я все легко стерплю.
Я очень уважаю вас,
но пальцем шевелю...

На Оси

Поблекли краски. Облачно и сыро.
Ни ветерка. Течение реки
степенно, как при сотвореньи мира,
и с высю воды слитны и близки.
Какая-то немислимая небыль:
с небес на землю стелется река,
среди лесов течет и снова в небо
впадает, разбавляя облака...

ЗОЖУ

К спектаклю «Обычное дело, сэр»
юргинского агиттеатра.

1985 год

I

Со свистом тишь прорвал снаряд,
и взрыв за взрывом зданья рушит.

А вам на это говорят:

- Все хорошо, заткните уши.

В напалме хижины горят,
и «гриб» завис на горизонте.

А вам на это говорят:

- Все хорошо, глаза закройте.

Ты безработный и не рад
тому, что никому не нужен.

Тебе на это говорят:

- Все хорошо, бывает хуже.

Любовь давно свести хотят
до грани скотского рефлекса
и, улыбаясь, говорят:

- Все хорошо, побольше секса.

Всех недовольных умирят,
оставив лучшее для сброда.

Кресты на улицах горят.
Все хорошо, у нас свобода.

На взятках раскормив свой зад,
народа верные посланцы
с телеэкрана говорят:
- Все хорошо, американцы!..

II

Эй, милашка, будь попроще,
разомнем под диско кости.
Все в движении - руки и живот.
Голова нужна для диско,
но без мыслей. Слышишь, киска?
Я без мыслей. Да, я - идиот.

Да, я - бестолочь, милашка,
но отличная рубашка
и мои штаны на зависть вам.
Гибкий стан киногероя
(я не знаю геморроя,
не сижу над книгой по ночам).

Что за чудо этот топот!
Я - отличный Дискоробот,
если так умело вас завел.
Разве так вас всех закрутит
самый мыслящий компьютер?
Я кручу, пусть я дурак, осел.

Если плохо спишь, приятель,
и уже от книжек спятил,
если целый свет тебе не мил,

приходи, включайся в диско.
Эй, займись-ка парнем, киска.
Лучше всех всегда живет дебил.

III

Мой папа, как петух, тупой и гордый,
и, как наседка, добродушна мать.
А я, как пес, готов вцепиться в морды
и буду рвать. На клочья буду рвать.

Мы превратим всех недоделков в трупы,
и красных и цветных вернем во мрак.
Что нам юлить, когда имеем зубы
и веруем в кулак, в кулак, в кулак!

Скотам понятно только чувство боли.
Жаль пуль на них и душегубок газ.
Им будут в нашей пьесе тоже роли,
но главная - у нас, у нас, у нас!

Кто там пищит? Скорей головомойку
всем, в ком идея равенства жива.
Мы отдадим вам лучшую помойку -
вот вам права, права, права, права!..

К чертям в костер минорные аккорды.
Играйте марш, довольно подвывать.
Мы все, как псы, запустим когти в морды
и будем рвать. На клочья будем рвать.

Песенка трудогиста

(Из спектакля томского ТЮЗа
«Полосатая лошадка»)

У каждого должен быть дом,
чтоб мог согреться он в нем,
чтоб было вернуться куда,
когда настигает беда.
Пусть ночь затаилась, как враг,
но в доме пылает очаг.
А если он есть, знаю я,
то будут уют и семья.

Спорю-спорю
вновь я с горем.
Затянулся этот спор.
Воск слезится,
вьюга злится,
скачет к нам
во весь опор.

Немытой посуда стоит,
и чайник давно не умыт.
И значит, крадется сюда
прожорливой крысой беда.
Подкралась она во хмелю.
Заплевано слово «люблю».

Грызет,
что-то снова грызет,
как ждет,
кто же в доме умрет.

И не сказочною смертью
веет ветер в круговерти.
Мальчик - с- пальчик
вновь в бегах,
и ушел Кот в сапогах.

Салют посмотри за окном,
вернись в свой простуженный дом.
Пусть все неприветливо так,
но ты разожги свой очаг.
И сказочно станешь богат.
Придет Оловянный солдат,
и Кот примостится урча,
и все возвратятся, простят.

И танцует Балерина,
и свежа, как снег, перина,
стол накрыт, горит свеча,
и похлебка горяча.

Песенка про Полосатую лошадку

(Из спектакля томского ТЮЗа)

Фон оставляя в беспорядке,
художник точно пошутил.
Он полосатую лошадку
на полотне изобразил.

Совсем не зебра и не пони
все скачет, голову склонив.
А где-то в поле мчались кони,
по ветру гривы расстелив.

Никто не видел, и откуда
такую лошадь видеть мог.
А вдруг полосы эти к чуду,
ведь был же Горбунок-конек.

И помогал всегда он другу,
бросаясь вниз, взлетая ввысь.
А где-то, путь верша по кругу,
на скачках лошади неслись.

С невзгодой не играя в прятки,
скачи, лошадка, и спасай.
Гы выноси меня, лошадка,
от хищных и жестоких стай.

На круг, надеюсь, не собьемся,
минуем грустных дней пустырь,
и мы живой воды напьемся,
познаем высь, узнаем ширь.

Буран и звезды

(Из спектакля томского ТЮЗа
«Капитанская дочка»)

Все спутала в России дорогой
пурга в ретивой жуткой круговерти,
и просто вдруг дотронуться рукой
до трона, до бессмертия и смерти.

Буран и звезды,
и явь и грезы,
мольба и крики,
и плачут лики.
Что ни дорога,
то бес попутал.
Там за порогом
гуляет смута...

Спаси нас, Матерь Божия, спаси!
Не оставляй своею благодатью!
Не отнимай покров Святой Руси,
и отзовется Русь святою ратью.

Буран и звезды,
и лед и слезы.
У нас слезинки -
в ресницах льдинки.
Путь нелюдимый
да волчьи стаи,

и до любимой
снега без края...

Тому, кто начинает замерзать,
зной грезится за снегом и морозом,
и потому в душе нам не разнять
блаженный поцелуй с лихой угрозой.

Буран и звезды,
и ласку с розгой
смешает лихо,
замесит тихо.
Колпак с короной
сведет без страха,
и рядом с троном
топор и плаха...

Но вспыхнут и в цветении сады
на зло пожарам жутким и бесплодным,
и пепелища черные беды
дожди омоют влагой благородной.

Буран и звезды
сойдутся просто,
пройдя немало
в пространстве бала.
И грянет сильно,
врагов пугая:
- Виват, Россия!
Виват, драгая!

Песня бунтарей

(Из спектакля томского ТЮЗа
«Капитанская дочка»)

У костра, у реченьки-у реки
кашу варят хмурые казаки.
Али не Ермак варит, не Ермак?
Али не казак каждый, не казак?

Им рубиться - как хлопнуть в ладушки,
Ты уж помяни их, Русь-матушка.
Али не Ермак варит, не Ермак?
Али не казак каждый, не казак?

Камнем пусть Сибирь загорожена,
да свела сюда воля Божия.
Али не Ермак варит, не Ермак?
Али не казак каждый, не казак?

Чудно вышло: воля бунтарская
помыслы исполнила барские.
Али не Ермак варит, не Ермак?
Али не казак каждый, не казак?

Город осенний

Сметало листву
с Воскресенской горы,
и падали листья,
обруб заметая.
И слышали стаи:
стучат топоры,
и с Томью прощались,
к теплу отлетая.

- Рубить будем в лапу, -
кричат казаки.
Гундят тихой сапой,
ругаются грубо.
И рвется туман,
поднимаясь с реки,
о жесткие колья
казацких обрубков.

И город осенний
встает над рекой,
и с той стороны
лес маячит кострами.
И кажется: Томь
разливает покой.
Татары пьют чай
на горе с казаками.

Татарской стрелы
наконечник лихой
показывал сотник.

И рану... И дулю.
И сетовал хан,
что стрелок был плохой,
держа на ладони
казацкую пулю.

Над сонною Томью,
на спящей горе
братались с огнем
и с казной разбирались.
Сгорала вражда
в безызвестном костре,
и с сотником хан
на горе обнимались.

Я жутким костром
в девятнадцатый век
ворвусь в подсознание,
стуча кандалами.
Скрипел под полозьями
выпавший снег.
Везли декабристов
чужими снегами.

Ворон с куполов
звоном храм
прочь прогнал,
и брызнули золотом
новые храмы.
И снова, и снова
пошли за Урал
кто вкривь, а кто вкось,
но с желанием - прямо...

Балы губернатор
впервые давал.
Вновь плавили воск
на грядущие свечи.
И город осенний
людей обнимал,
хмельные, шальные
их слушая речи.

Над городом стая
на юг собралась.
Один круг остался,
и все - отлетают.
Властейки двадцатого века
и власть
еще моих строк
пусть пока ожидают.

Вновь чудится Томску:
стучат топоры,
и осень на круг
новый круг замыкает.
Горят на горе
зоровые костры,
и падают листья в костер,
и сгорают.

Стихи о Букинисте

С бухгалтерией
все обсудив антимонии,
поминая глаголами
чертову мать,
выхожу, матерясь,
из родной филармонии
и гадаю, где денег
на день-два занять.

К «Букинисту» иду
вдоль реки
бессознательно.
Сигарету-вторую
уже прикурил.
И вдруг вздрогнул,
киоски пройдя
по касательной.
Умер Суздальский...
Умер!
Ты ж сам хоронил!

Он меня выручал.
Было дело...
Он славился
тем, что каждый,
и даже бездомный поэт,
мог прийти и занять...

Нет его.
Он преставился...
Но нужды представлять
его Господу
нет.

Что-то я «завернул»
слишком велеречивое...
А, по совести, я
его мало и знал.
Я ввернул бы в строку
что-то очень красивое...
Да не тот это случай,
чтоб я еще врал...

Просто жил Букинист.
Были им крепко связаны
все, кто много читает
и должен читать.
Просто все ему
были должны
и обязаны,
и не отдали -
это не деньги
отдать.

Что стою г
Снег валит,
влагой стынет за воротом.
Рождества снова близится
к нам благодать.
Он ушел, но остался
навек с этим городом.
Дай так, Господи, нам
этим городом стать.

А. Башлачев

Ну вот и ко мне заявила
запретное знание.

Кольнуло в висок,
вырывая из недр бытия.

И выбиты стекла и стены
телесного здания,
и стол накрывают,
и ставится к водке
кутья.

Я скоро остатки дорушу.
Садитесь, братва, да начнем.
Давай, помянем мою душу,
давай-ка с устатку плеснем.

Удары сильнее.
Поминай... Под чугунным кастетом.
На слом так на слом,
как укажет Небесный Отец.
Я лишь подтвердил,
что на свет народившись поэтом,
как тень, на чело
принимает клеймо
«не жилец».

В душе колокольчик нательный -
мучительный мой имплантант.

Я болен, я болен смертельно
болезнью с названием «талант».

Я рушусь,
в обломки дроблюсь,
вам, братва, в назиданье.
Не дай-то вам. Бог,
испытать, что испытывал я.
Вот выбиты стекла и стены
телесного зданья,
и стол накрывают,
и ставится к водке
кутья.

* * *

*Памяти
Макса Батурина*

Произойдет что-то,
не знаю что,
но что-то уже происходит.
Чужое время -
не чужое пальто:
поэт не наденет
и в нем не походит.

Это, конечно же,
не доказать,
но вижу каким-то
сверхзрением:
когда поэт
надумает умирать, -
это рубец во времени.

Подобно приверженцам
цифр и дат
я не ищу цикличности,
но любой поэт
не живет невпопад
со временем,
собственной личностью.

Спасает
их души
господний страх
от тем,

им убийственно
острых.
Немыслим Блок
в тридцатых годах.
Высоцкий -
в конце девяностых.

За этот год
было много смертей.
Точно знаменье
послано.
Жди новых идей
или новых вождей.
Рубцами время исхлестано.

Холостяцкая песенка

Я заведу себе кота,
чтоб он мурчал на ухо,
чтоб он на мышек нагонял
неизъяснимый страх.
Чтобы когда я ухожу,
он мне вослед мяукал,
и чтоб когда я прихожу,
он путался в ногах.

Мы будем песни сочинять
и в марте и в июле,
друг другу бросив невзначай
неброское «держись».
И «мяу-мяу» кот споет,
спою я «люли-люли».
Невзгоды явятся, так мы
им оба скажем: «Брысь!»

У нас все будет на двоих,
посуду исключая.
И приходящих в гости дам
из списка исключу.
И будет кот со мною спать,
запястье мне сжимая,
и я похлопаю его
по крепкому плечу.

Нам горевать и тосковать,
конечно, не годится.
И будем радоваться мы
и солнцу и снегам.
И будет кот с работы ждать,
и я - домой стремиться.
А в остальном чего желать
двоим холостякам?

Ночь.

Лето.

Душно.

Мыслей онемевших

никак не разомну,

не оживлю.

Кот ловит мотыльков,

в окно влетевших.

И я в сеть строф

неясный смысл ловлю.

Неясно мне.

Мне ничего не ясно.

Мыслишек стайки

мелкие снуют.

И утешаю я

себя напрасно

тем, что порой

так мудрость познают.

Да, в малом можно

разглядеть большое,

когда бы жизнь была,

как чистый лист,

когда б не шла она

вразрез с душою.

Когда бы был душою

прост и чист.

Но мысли все же
больше не немеют.
И кот урчит -
святая простота.
И строки эти
смысл уже имеют:
я радуюсь
хотя бы за кота.

Легенда

Подбитый красным черный плащ
трепали ветры многих стран,
и не один шептал палач:

- Ох, попадись ты мне, Жуан!

Палач севильский нравом крут,
он жаждал, мучимый огнем,
как жаждет раскаленный прут
воспоминания о нем...

Он невысок и худ, палач,
он пасынок такой судьбы,
но мастерский рубил он плач,
рев вырывая у толпы.

И вот, прикованный к цепи,
молчит Жуан. Палач молчит.
Терпи, палач. Жуан, терпи.
Темница, и огонь горит.

- Чего ты ждешь? - палач спросил.

- Чего ты медлишь? - был ответ.

- Я многих грешников убил.

Жуан смеялся:

- А я - нет...

- А где святейшие отцы?

Давно их не обозревал. -

И раскалял палач щипцы.

Жуан в ответ ему кивал.

И вдруг к закованным рукам
приник палач лицом своим.
Пал балахон и плащ к ногам.
О диво, женщина пред ним...

Красы неписаной она,
прекрасна, молода, тепла,
раскрыта и обнажена.
Оковы с рук его сняла.

- Кто ты? - спросил. Молчит она.
И дрожь коснулась грешных душ.
- Я - оскорбленная жена,
а ты?
- Я - оскорбленный муж...

И в горн остывший ветер дул
и с воем улетал во тьму.
Не спал той ночью караул,
и стоны полнили тюрьму.

Она, припав к его плечу,
шептала, шелком глядя тишь:
- Как я мужскому роду мщу,
так ты, наверное, нам мстишь.

И не пришел еще рассвет
в кричащей южной красоте,
когда Жуана легкий след
лег прочь от замка по росе.

Она Жуану солгала
и не пошла вослед к ручью.
Себя наутро отдала
во власть другому палачу.

На площади народ ворчал -
он был к костру поспешно зван.
- Рядилась ведьма в палача.
- Из-за нее сбежал Жуан.

Костра святейшего огонь
как будто гнал дурную весть,
и мчал разгоряченный конь
еще страшней и жарче месть.

Подбитый красным черный плащ
трепали ветры многих стран,
и не один шептал палач:
- Ох, попадись ты мне, Жуан.

* * *

Под уклон покати́лась ночь,
реки снег оттенил и пруды,
и звезда - неба синего дочь -
отразилась на глади воды.

Снова верится в лучший приход,
что болевшее - все отболит.
Ах, как хочется в зеркало вод
бросить груз всех забот и обид.

Кровь устало желает остыть,
утра просит у выцветшей тьмы,
и так хочется душу открыть
поцелуям пришедшей зимы.

1982

Н. Рубцов

Хочешь резать?
Так режь!
Незарезанный
буду снова
и грешен, и пьян.
Я устал.
Я с душою растерзанной
ножевых не боюсь больше ран.

До чего же мы,
милая, д о жили?
От любви
шли до лихости злой...
Вы с Россиею
очень похожие:
в сердце нежность,
но нож под полой...

Что я думаю -
выясни, выясни.
Ревность глупую
бросишь мне в гроб.
На подушках чужих
тер я лысину,
чтобы был всем видней
тяжкий лоб.

Из ошибок была
жизнь мной сложена.

Знал кабак
и не знал монастырь.
То ли прожита жизнь,
то ли прожжена.
То ли дом,

то ль от дома пустырь.

Сирота -
я просил подаяния.
Со слезами
свой век вековал.
И теперь, поглядев
с расстояния,
понял я:
Бог стихами давал.
Я, как сказочный
горе-Емелюшка,
отпросил, отхотел
и затих.
Эх, Россия моя
ты Россиюшка,
что ж ты режешь
поэтов своих?!

* * *

Ветер деревья сгибает в дугу,
и облака быстро прочь улетают.
Сжавшись, поникнув, снегов ожидают
птицы и звери, трава на лугу.
Ветер деревья сгибает в дугу.

Скоро побелит зима все вокруг,
прежние скроет дела и заботы,
и не оставит нигде позолоты,
злого ненастья излечит недуг.
Скоро побелит зима все вокруг.

Прошлого лета зеленый пожар
лишь с фотографий и слайдов вернется,
в чувствах желание былого проснется.
Где же он, прежний потерянный дар?
Прошлого лета зеленый пожар.

Ты пожелаешь былого тепла.
Белый песок с синим морем приснится.
Смотришь в окно, чтоб во лжи убедиться:
скрыла зима все под снегом без зла.
Ты пожелаешь былого тепла.

Ветер деревья сгибает в дугу,
воронов кружит, по небу мотая,
падают листья, пути засыпая,
нам предвещают мороз и пургу.
Ветер деревья сгибает в дугу.

1983

* * *

Каждый мужчина
должен уметь
сказать себе
без истерики,
без надрыва.
Просто,
как поставить
диагноз:
- Эта женщина
меня больше не любит...

Н. Максимовой

Пусть у тебя
все будет хорошо.
От всей души
любви тебе желаю.
А я прошел,
как сильный снег прошел.
Дай Бог, бесследно
для тебя растаял.

Моей любви
взорвавшийся буран
пусть взгляд тебе
не замутит, не застит.
Пусть теплые ветра
дорог и стран
согреют от моей
холодной страсти.

Тепла...
Я не додал тебе тепла.
Я человек
холодных выюг и снега.
Я поражаюсь сам,
как ты могла
снести метель
такого человека.

Мне снова
колокольчики звенят,
и бубенцы звон
сыплют на дорогу,
и полная луна
бельмом во взгляд
мне пялится

без смысла и без прока.

Прощай.
Прощай без слова за глаза.
Я все сказал о нас.
Но смысл ужасен:
так в снегопад
запуталась гроза.
Так молнии
хватает снег и гасит.

Грустный лад

Никак
не позволяет мне
Небесный дирижер
играть
на струнах дней моих
космический мажор.
И грусть
земным минором
снова застит
мне глаза,
и даже летних птиц,
и листьев голоса
уносит ветер,
точно пыль
и мелкий сор, -
в минор.

Земных
надежд
благая сила
неторопливо
вдаль звала
(все невпопад)!
А я любил.
Я был счастливым
на грустный лад,

на грустный лад,
на грустный лад.

О, грусть,
что ты творишь
и что ты
делаешь со мной?
Зачем
ищу спасение
я в женщине
земной?
Мечта,
их неземная
красота.
Все суета...
И все ж стремлюсь,
и рвусь опять
в тоске шальной
к одной...

Печаль
моя
от пониманья,
что в расставаньях
буду вечно
виноват.
Распела жизнь
мои желанья
на грустный лад,
на грустный лад,
на грустный лад.

Звенит
с монетой солнечной
в груди моей зенит
и бьет
земное сердце
о житейских бед
гранит,
и кровь
мне проливает
черт
и шепчет:
- Подпиши...
Я ставлю кляксы
за помин своей души...
Не подпишу,
Господь поймет
и защитит,
простит.

Веди
меня
песком и плесом
и вертикосом,
жизнь, как ангелы
велят.
И пусть
стучат колеса
на грустный лад,
на грустный лад,
на грустный лад.

Пройдет...
Я повторю
за мудрым вслед,

что все пройдет.
И так,
как нищий духом,
царство Божье
обретет.
Пройду
я к утешению
сквозь грусть
и сквозь печаль,
и светлым
утренним мажором
встретит даль...
Так к морю синему
речной стремится лед.
Пройдет...

Минор.
Минор
нам дан от века,
и человеку
не дано
других наград.
А мы вновь Грекой
через реку
на грустный лад,
на грустный лад,
на грустный лад.

* * *

Нас, милая, как маленьких, качали
в своих объятьях скорби и печали.
Мечты не разделяя уносили.
Счастливыми, но грустными мы были.
Пусть мы грустим невыносимо часто,
но хуже быть веселым и несчастным.

1982

* * *

Было счастье -
в блаженном идти заблужденьи,
не искать третий смысл
и второго не знать.
Но меня увлекало несчастье прозренья,
но меня уводило несчастье искать.

Есть удачи,
побед разношерстных команда,
но не это влечет
подниматься и жить.
Есть несчастье ума
и несчастье таланта,
и несчастье страдать,
и несчастье любить.

Пусть без них
и спокойно и просто...
Вернее!
Пусть я с ними печален,
излишне раним,
но варите, счастливчики,
зависть чернее
и завидуйте злобно
несчастьям моим!

* * *

Я страсти не рву -
сам себя приучаю
беду проживать
бессловесно, бесслезно -
я просто скучаю.
Я просто скучаю.
Я просто скучаю.
И это серьезно...

В нескромности чувств
сам себя уличаю -
признаний в любви
уже было довольно.
Я просто скучаю.
Я просто скучаю.
Я просто скучаю.
Но мне очень больно.

И слезы и вздохи
я в смех обращаю,
души подавляя
бессмысленный ропот.
Я просто скучаю.
Я просто скучаю.
Я просто скучаю -
не вопль мой,
но шепот.

Я просто скучаю,
в сознаньи вращая
грядущих потерь
ледяные торосы.
Я просто скучаю.
Я просто скучаю.
Я просто скучаю.
Вот так все непросто.

В Сибири

Всё мне кажется: здесь меньше лжи.
Плутовать - это качество юга.
Здесь сметёт с самой тёмной души
мусор вздора февральская вьюга.

В небе месяца виснет блесна,
и река затаилась в тумане.
Здесь привычно обманет весна,
но зима никогда не обманет.

Ты, мой друг, этой ночью не спи
и прости ты мне вычурность слога:
пробежала луна по Оби
или Обь перешла ей дорогу.

* * *

«Огонь, мерцающий в сосуде

Или в сосуде пустота...»

Н. Заболоцкий

Постичь пытаюсь красоту
поэзии пытливым взглядом
и цепко новую черту
хватаю с лиц, живущих рядом.

Я видел, как кривили рты
морщины злобным и спесивым,
как вдруг красивые черты
давались прежде некрасивым,

Как в уголках красивых губ
вдруг зависть жабы обвисала,
и как изгиб изящных рук
артритом жадность искривляла.

Прекрасен облик малыша.
Затем успел я убедиться:
рисует свой портрет душа
на наших повзрослевших лицах.

Г. Анкудинову

Умейте
красиво стареть.
Как иноки,
как патриархи,
как люди
последних
монархий,
как скал
непокорная
твердь.

Пусть вам
тишина ледников
расскажет
про путь
вечной льдины.
Как тает она,
чтоб единым
в реке стал
поток ручейков.

Умейте
морщины носить,
бессонниц
мешки под
глазами.
Нам всё же
приходится в драме

(не в телерекламе)
жизнь жить.
Пусть вам
тишина облаков
про тяжесть расскажет
и легкость,
про града июльского
жесткость,
про мягкость
январских снегов.

Умейте
красиво стареть.
Как иноки,
как патриархи,
как люди
последних
монархий,
как скал
непокорная
твердь.

Обская быль

В.Н.Макиееву

Вьюга метет.
Сестру тайгою
братик ведет.
Урманом за урман
ведет сестру Иван.
Обь сковывает лед.

- Ваня, скажи,
а правда
мы с тобой убежим?
Не повернет назад
комендант или солдат?
Не скажут:
Ванька виноват?

- Чуть подальше
теплая страна,
сестренка.
Ждет и не дождется
нас она.
Терпи, Аленка.
Там нас
мамка с тятькой
шибко ждут.

Пироги подовые
пекут.
Там нас в обиду
не дадут.
Не то, что тут...

Снег да корьё -
еда им.
И смотрело зверье
вслед душам на снегу,
струившимся в пургу,
и думало свое.

- Эх, отдохнем!
Присядь чуток
да дальше пойдем.
Пусть холод все лютей,
а выйдем на людей.
Глядишь, приют найдем.

- Знаю я, Ванюшка,
все ты врешь.
Все плел да плел бы.
На погибель ты
меня ведешь.
Скорей привел бы.
Померли все наши.
Мы - одни.
И помрем мы тоже
как они.
Только бы замерзнуть
побыстрей.
Ты отпусти меня,
не грей.

Ночь настает.
Их скоро
с головой занесет.
Не тает
снег в глазах.
И точно в небесах
Мать Божия ревет.

Как уважал
клыки свои волк.
Будто кинжал..
Он стае подал знак,
поплелся прочь вожак.
Не трогать приказал.

- Чуть подальше
теплая страна,
сестренка.
Ждет и не дождется
нас она.
Терпи, Аленка.
Там нас
мамка с тятькой
шибко ждут.
Пироги подовые
пекут.
Там нас в обиду
не дадут.
Не то, что тут...

* * *

А.Карпухину

Я выбираю тишину.
Ее одну я выбираю,
как Богом
данную жену,
как вечность
без конца и края.

Я выбираю
русский снег.
Сибирь
с холодными дождями,
тягучесть
наших сонных рек
и все, что будет
дальше с нами.

Русский мотив

Галине

Этот русский мотив
сердце болью залил.
Вот и жить начала
 песня.

Эх, была не была
ночь как сажа бела,
где со мной ты спала
 вместе.

Не о том, не о сем
мы с гитарой вдвоем
вечерком да вздохнем
 тихо.

Мы устроим в душе
прежний рай в шалаше.
Нам не страшно уже
 лихо.

Здравствуй, брат-вечерок,
разжигай костерок.
Я черкну пару строк.
 Можно?

И строка за строкой
отзовется тоской.
Ой-ей-ей, ой-ей-ей,
 сложно.

Этот русский мотив
сердце болью залил.
Вот и жить начала
 песня.

Эх, была не была
ночь как сажа бела,
где со мной ты спала
 вместе.

* * *

Галине

Ты похожа
на Матерь Божию
и еще на рассвет похожая,
а когда ты идешь босая,
вероятно, что ты - святая.

Богохульствую
не ко времени,
бурундук дум
стучит под теменем.
Святотатсвую не по делу я,
только что я с собой
поделаю.

Ты похожа
на Матерь Божию,
и глядят на тебя прохожие.
По асфальту с тобой ступая,
они чувствуют, что я знаю.

Пусть зима впотьмах
хороводится,
пусть в буранах вновь
бесы водятся.
Ты похожа на ночку
звездную.
Это все говорю
серьезно я.

Я уже и не ждал везения.
Ты во всем стала мне спасением.
Ты прости меня, Матерь Божия,
но она на Тебя похожая.

Об одиночестве
приятно рассуждать,
когда ты молод и силен.
Когда не брошен.
Когда предательствам
ещё не огорошен.
Когда плевать
на суть глагола
«выживать»,
об одиночестве
приятно рассуждать.

Об одиночестве
прискорбно рассуждать,
когда ровесники,
взмахнув клинком пророчеств,
вонзили в сердце
кортик личных одиночеств
и больше не живут...
Ни дать, ни взять...
Об одиночестве
прискорбно рассуждать.

Я рассуждаю.
Не пророк, не патриарх -
совсем случайно
уцелевший, одинокий...
И одиночество моё
ложится в строки.

Ах, мне об этом бы,
не помнить и не знать!
Об одиночестве
приятно рассуждать?

Письмо к матери

Я, мама,
думаю о счастье.
Я, мама,
думаю о нем.
Я знаю:
это есть согласие -
в стогу проснуться
летним днем.

Я, мама,
думаю о доме,
хотя не мой
и нем мой дом.
Но никого нет,
мама, кроме,
чтобы с ума
сходил о нем.

Я, мама,
думаю о детях,
свой ограждая огород.
Нет никого еще на свете,
чтобы продолжили
наш род.

Я, мама,
думаю о жизни

и об Отчизне -
я же сын.
При самой при
хреновой жизни
одна она
как я один.

Я, мама,
думаю о брате.
Мы с ним близки,
и рад мне брат.
Пусть слов к нему
я зря не тратил,
я знаю цену
всех утрат.

Я, мама,
думаю: бесценна
дорога та,
которой шел.
Искал иглу я
в стоге сена.
Я, мама,
кажется,
нашел.

Я, мама,
думаю о Боге.
И пусть беснуется
мой бес,
когда мне аркой
среди дороги
упала радуга
с небес.

Стихи в конвертах

.

Гастрольная тетрадь

.

Сужая территория

.

Прямая речь

.

Время перемены,
и бесполезно
утешать.
Скажется и поглатит
верней,
но непременно
хочется
вам добрее сказать
в скабрезной эфире
дуей.

А и сам не ведаю,
что несю несю,
но в стрессе хожу
пронетю
утреннее солнышко
и густую росу,
и тайгу, и лес, и
стену.

А еще мне хочется
мелочей сказать,
суетный сметаю
шум,
так, чтобы на вас
взглянули близкие
глаза
через дымку
грустных шум.

А добро
злых делов будней
высвиряет власящей,
и простынит соль
веков:
светлые беззубые
улыбки палышей
и прищуря
стариков.

Пусть вопиет радужку
радость исцеления
пробегит,
зарубцует ужас раны.
Пусть по вашим
душам
вешний дождик
прошуршит,
радуга прорвет
тучу.

Содержание

«Ты пощади меня, зима...».....	4
Волчья песнь.....	5
«Великий пост, а я опять грешу...».....	7
Вальс и Мазурка.....	8
«Артиста разной масти...».....	11
«О твердость быта бьют надежд хрусталь...».....	12
«Мне воздух осенний - подобье вина...».....	13
Парфюмерия и пес.....	14
Снегири.....	16
Тема Паганини.....	18
«Мне с отчаянья не годится...».....	19
Ноктюрн.....	20
«Блажен, кто верит в чудеса...».....	21
«Мы с тобой помолчим в тишине...».....	22
«Еще чуть-чуть. Но малое «чуть-чуть»...».....	23
Парус.....	24
«Ты куда, куда, Обь, течешь, река?...».....	25
Ездовики.....	26
«Никак я от дилемм не убегу...».....	29
«Ах, как бы мне не понимать...».....	30
«Пока есть ты...».....	31
«По-цыгански как-то...».....	32
«День без тебя прошел...».....	34
«Я не приемлю позы умных дураков...».....	36
Высоцкий и Вампилов.....	37
Казаки в Париже.....	40
«Англетер».....	42
Песнь ямщика.....	44

«Спасаясь в снах...».....	46
Северянин.....	47
Страдания.....	50
«Ты где-то там, где море, где закат...».....	51
«Можно объяснить: ты была мой сон...».....	52
«Галя, Галечка, Галя...».....	53
Никогда.....	54
«Мною понято наконец...».....	55
Два офицера.....	56
«Глуха ты ночь, да чуток слух...».....	59
Рота.....	60
По мотивам белогвардейского романа.....	62
«Всю ночь дождь льет...».....	64
«Эта страна никому не нужна...».....	65
Кометы.....	66
Избитые истины.....	68
Корьевка.....	69
«Вечерний кофе».....	73
Хома Брут.....	74
Женщины-мужчины.....	76
Городской романс.....	78
«С хитрой борзостью поэта...».....	80
«Улицы, улицы снегом летящим...».....	81
Подражание народной песне.....	82
Ночная гроза.....	84
«Здравствуй, ваше величество полночь...».....	85
«А за окном пурга...».....	86
Дождь в душе.....	88
Вера Слепцова - борец революции.....	90
Песенка уличного музыканта.....	92
«Боль эту я в себе не заглушу...».....	94
«Не вой противно так, собака...».....	95
Бомж.....	96

«Не признавал меня один пиит...»	98
«Не раз, побывав под пером...»	100
Выдающемуся постмодернисту	101
Три буквы.....	102
Близкому барду.....	104
Романс	106
«Ну вот и грань...»	107
Мне снилась женщина	108
Ожидание	110
«Ты милым летом...»	112
«У нас любовь с тобой - одно прощание...»	113

Из поэмы «Многоточие»

I	114
II	115
Казачья походная	117
Песня про город Асино	118
Пастернак	120
«От боли вся страна дуреет...»	122
«Антон Палыч Чехов расстроился очень...»	123
Обрыдло	124
Ангел	126
Взрослым сыновьям	128
«Надоели мне извечные расспросы...»	130
Амазонка-49.....	131
Айболит-66.....	135
Автомат Калашникова-74	138
«На войну, как на свадьбу...»	142
«Ускользает от слов и понятий...»	144
Не выдайте	146
Александр Невский	148
Северная звезда.....	150
Маета	152
Урок	154

Завещание казака	156
Марш " Прости-прощай"	157
Шатун	158
«Я в это новолуние апреля...».....	160
«У весны есть горюшко горькое.,»	161
«Весна, но нет любви...»	162
«Прошу ни пламени, ни яркого горенья...».....	163
Женщина и юноша	164
«Не спрашивай. Себя понять...».....	166
Июльский дождик	167
Чайка	168
Сибирское лето	170
«Мне воздух осенний - подобье вина...»	171
«Ах, эти диалоги в ресторане!...»	172
«Ты не грусти, товарищ мой...»	173
В гостях у мафии-90	174
«Нам с другом говорят...»	177
«Я сказал бандитам, кто они...».....	178
В гостях у мафии-95	179
«Когда по жизни вы пошли...»	183
Самосуд	184
Осень	187
Дождливый сентябрь	188
Осенние стихи	189
Томский вальс.....	190
Баллада о седьмой струне	192
«Бывает пляска вся вразлет...»	194
«Горит тайга, гудит тайга...»	196
«Конечно, за «базар» я свой в ответе...».....	198
«Еще один десяток лет...»	199
Маме	200
Солдату Н.Асадчему	201
«Где-то за осенними дождями...».....	202

Страстная неделя.....	204
«Поэзию считаю за несчастье...».....	206
Таня-Вера.....	207
«Уютом позднего такси...».....	213
Провинциальный экспромт.....	214
Самозэпиграмма.....	215
«Я пропил эту осень...».....	216
«Защитника попок рьяного...».....	218
«Ждал в переулке меня он узком...».....	219
Саксофонист.....	220
Прогулка хулигана.....	222
«Что за напасть? Уже который год...».....	224
«Любовь моя - мне часто грусть...».....	225
Подражание А. Блоку.....	226
«Мне сегодня приоткрылись в небо дверцы...».....	228
«Я сторонюсь упрямо...».....	229
«У нас с тобой нет страстных придыханий...».....	230
«Я буду очень знаменитым...».....	232
«Я оказался крепким - сам не знал...».....	233
Женщина и пистолет.....	234
Песенка про пальчик в ботинке.....	236
На Оби.....	238
ЗОНГИ.....	239
Зонг Барда.....	239
Зонг Дискоробота.....	240
Зонг молодчиков.....	241
Песенка трубочиста.....	242
Песенка про Полосатую лошадку.....	244
Буран и звезды.....	246
Песня бунтарей.....	248
Град осенний.....	249
Стихи о Букинисте.....	252
А.Башлачев.....	254

«Произойдет что-то, не знаю что...».....	256
Холостяцкая песенка.....	258
«Ночь. Лето. Душно...».....	260
Легенда.....	262
«Под уклон покатилаcя ночь...».....	265
Н.Рубцов.....	266
«Ветер деревья сгибает в дугу...».....	268
«Каждый мужчина должен уметь...».....	269
«Пусть у тебя все будет хорошо...».....	270
Грустный лад.....	272
«Нас, милая, как маленьких качали...».....	276
«Было счастье - в блаженном идти заблуждены...» . . .	277
«Я страсти не рву...».....	278
В Сибири.....	280
«Постичь пытаюсь красоту...».....	281
«Умейте красиво стареть...».....	282
Обская быль.....	284
«Я выбираю тишину...».....	287
Русский мотив.....	288
«Ты похожа на Матерь Божию...».....	290
«Об одиночестве приятно рассуждать...».....	292
Письмо к матери.....	294
«Время перемен...».....	296
Содержание.....	298

Сергей Максимов
ОБРАЗ ЖИЗНИ

Второе издание

**Автор благодарит за помощь
в издании книги
Мираба Бетсаева,
Игоря Белозерова,
Александра Кокорева,
Сергея Кориева,
Валерия Малкова,
Юрия Максимова.**

**Отдельное спасибо
издателю первой книги
Александру Карпухину.**

**Обложка Н. Вагина.
Художник С. Павский.
Компьютерная верстка Е. Зырянова.**

Томск, 2004 г.

**Книга отпечатана
ОГ\П Асинопская типография.**

Заказ 1635. Тираж 1000 экз.

